

Денис Мухомов

Автограф

Денис Минаев

Автограф

Проза

Коломна
Серебро Слов
2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

М61

ISBN 978-5-906800-99-2

Автор выражает огромную благодарность
за помощь в издании этой книги
своему другу
Заместителю Председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России
Сергею Сергеевичу Антипову
(г. Москва)

Минаев Д.В.

М61 Автограф. Проза / Денис Минаев. – Коломна: Серебро Слов,
2017. – 61, [1] с.

ISBN 978-5-906800-99-2

© Минаев Д.В., 2017

© Минаев Д.В., обложка, 2017

© Серебро Слов, 2017

Эгофобия Ваил
и Баевеи Бизкеи

A highly stylized, cursive handwritten signature in black ink, appearing to be a name like 'Алиев' or similar, written over a light blue background.

Искусство рассказывать

Итак, у вас в руках — «Автограф» Дениса Минаева. Название сборника говорит само за себя: автор предлагает читателю познакомиться, поделиться наблюдениями, переживаниями, мыслями, возникающими по поводу происходящего вокруг. Это не просто автограф писателя — это автограф нашей эпохи, с её пёстрым разнообразием типажей и отношений — и в то же время узнаваемым «общим знаменателем» России на рубеже тысячелетий, её характерных реалий, проблем, социальных конфликтов. Среди персонажей — симпатичный, но не идеальный мальчишка Юрка с жилкой частного предпринимателя; глубоко любящая молодая русская женщина в трауре по супругу, воевавшему в Чечне; простодушный дедушка, безоговорочно верящий в силу медицины; и прочие наши современники — те, с кем мы живём в одном подъезде, ходим по одним улицам... Денис Минаев по-настоящему близок своим героям. Со страниц его произведений дышит сама жизнь, доставляя читателю свойственную реалистической литературе радость узнавания.

Давно замечено, что искусство короткого рассказа требует от писателя особой виртуозности: в небольшом тексте, при соблюдении всех правил построения композиции, должна уместиться история, способная заинтриговать и взволновать читателя. В.Г. Короленко вспоминал о высказывании А.П. Чехова: «Знаете, как я пишу свои маленькие рассказы? Вот. — Он оглянул стол, взял в руки первую попавшуюся на глаза вещь — это оказалась пепельница, — поставил её передо мною и сказал: — Хотите, — завтра будет рассказ... Заглавие «Пепельница»». (Существует, впрочем, версия, согласно которой Антон Павлович говорил не о пепельнице, а о чернильнице, — скорее всего, и та, и другая фигурировали в его беседах в разное время с разными людьми.)

Несомненно, упражнения с чернильницами и пепельницами полезны для оттачивания мастерства, но это лишь подтверждает, что в жизни то и дело происходит множество интересных вещей; сюжеты — для наблюдательного автора — рассыпаны на каждом шагу. А вот увидеть, заметить среди непрерывного потока событий зерно будущей истории и рассказать её так, чтобы «зацепить» читателя, дано не каждому. Ведь она должна быть не просто любопытной, но и слегка провоцирующей: вызывать, с одной стороны, желание узнать, чем же всё закончилось, а с другой — собственные размышления, — не столько о конкретном описанном случае, сколько о внутренних механизмах бытия, порождающих массу подобных ему перипетий, маленьких драм, с переплетением комичного и трагичного, совершающихся вокруг нас, а порой и с нами самими.

Денис Минаев — автор, уверенно владеющий основными составляющими этого мастерства: увлекательность, лаконичность, выверенное соотношение правды жизни и философского подтекста. И хотя за строками повествования «просвечивает» взгляд рассказчика — порой серьёзный, испытующий, порой с лукавой смешинкой, но всегда внимательный и сочувствующий, — авторская оценка происходящего никогда не довлеет над объективностью — благодаря умению поставить смысловое ударение на красноречивых деталях, позволяющих читателю сделать собственные выводы, — как, например, в рассказе «Шрамы украшают мужчин». В сознании вдумчивого читателя так или иначе возникают некие варианты продолжения понравившегося произведения. Что произойдёт с героями дальше? Как сложатся их судьбы? Что может изменить их жизненную позицию? Ответы на эти вопросы в значительной степени зависят уже от убеждений и опыта самого читателя. Таково одно из таинств литературы: «вынырнув» из круговорота действительности, сюжет преломляется в волшебной призме авторского восприятия — и возвращается снова в жизнь, начиная формировать её уже через нас с вами...

Сборник «Автограф» был бы неполным без небольшого саморепрезентации. Поэтому завершающий блок знакомит нас с основными этапами пути Д. Минаева в литературу. Конечно

же, на этом пути были и сомнения, и радости, и огорчения, знакомые всем пишущим людям, — и всё это сформировало сегодняшнего Дениса Минаева — писателя, издателя, а также друга и творческого вдохновителя многих талантливых современников. Об этом свидетельствуют включённые в книгу эссе трёх авторов, посвящённые упоминанию имени И.И. Лажечникова в произведениях А.П. Чехова — факту, который Денисом был замечен и оценён как достойный небольшого отдельного исследования. В итоге он сумел заинтересовать собратьев по «цеху» этой темой, любопытной как в литературном, так и в краеведческом плане, что привело к рождению трёх самостоятельных произведений.

* * *

Сомерсет Моэм писал: «Рассказывать свойственно человеку от природы, происхождение рассказа уходит, я думаю, во тьму времён, когда охотник, сидя в пещере у костра, развлекал своих до отвала наевшихся и напившихся товарищей фантастическими историями, которые сам когда-то слышал при таких же обстоятельствах».

Что ж, фантастические или нет, истории всегда слетаются к нужному «костру» и находят того, кто сумеет рассказать их наилучшим образом. Так произошло и в данном случае — а результат, уважаемый читатель, вы сейчас держите в руках. Остаётся лишь перелистнуть страницу...

*Член Союза писателей России
Анастасия Русских*

Такая любовь

Шумный-шумный вокзал. Беспорядочная суета. Сотни людей вокруг, но я всё равно один. Никому нет дела до меня, ровно как и мне до них. Только гордые фонари на перроне смотрят на всю эту кутерьму свысока и своим ослепляющим светом затмевают чистое звёздное небо.

Громкий, металлический неприятный женский голос объявляет посадку на мой поезд. Вот и закончилась двухмесячная научная командировка в Уфу, и теперь я возвращаюсь домой, в Рязань.

Не думая уже ни о чём, направляюсь к нужному вагону. Ещё немного суеты – и я удобно располагаюсь на нижней полке купе. Всё. Осталось несколько томительных минут ожидания, и поезд помчит, приближая мою встречу с женой и сынишкой. Достая газеты, купленные в дорогу, и начинаю перелистывать одну с последней страницы, как привык.

Уже знакомый металлический голос объявляет отправление. Моё внимание привлекает оживлённый перрон и торопливые люди, от которых потихоньку удаляюсь. В купе я один, что, несомненно, радует.

Только успел подумать об этом, как дверь распахнулась и вошла красивая девушка. Чёрное закрытое платье изящно облегалo стройную фигуру. Почти полное отсутствие макияжа и чёрная повязка на голове придавали загадочность этой симпатичной блондинке.

– Здравствуйте, – приятным голосом сказала незнакомка и на некоторое время задержала взгляд на моей персоне, будто вспоминая, где она могла меня видеть.

– Здравствуйте, – ответил я. – А мы с вами нигде не встречались? – и, не дожидаясь ответа, спросил: – Извините, вас, случайно, не Света зовут?

В её карих глазах сверкнул огонёк интереса, и миловидное лицо озарила очаровательная улыбка:

– Кажется, мы с вами в одной школе учились...

– Более того, в одном классе, – уточнил я. – Ташкент, 101-я школа...

– Здравствуй, здравствуй, Саша. Сколько лет, сколько зим.

Я встал, и мы по-дружески поцеловались. Затем, присел рядом:

– Как живёшь, Светик? Прекрасно выглядишь.

– Да ладно, брось...

– Нет, нет, действительно. Выглядишь потрясающе. Чёрный цвет тебе очень идёт.

– Это точно. Жизнь моя не слишком светлая, поэтому чёрный цвет – как родной, – сказала Света, и огонёк в её глазах потух. А лицо, кажется, немного посерело.

– Почему так печально говоришь? Что-то случилось? – без притворства поинтересовался я.

– Траур у меня. Еду в Ульяновск, к мужу на могилу. Вернее, к бывшему мужу, – и она тяжело вздохнула. На щеке бриллиантовой капелькой заблестела слеза.

– Извини, не знал, – поспешил я реабилитироваться. – Мои соболезнования.

Света тихо плакала...

Надо было срочно менять тему.

– Ты давно в России живёшь? – спросил я.

– Уже пятнадцать лет. Окончила Авиационный институт. Ещё там, в Узбекистане. Парень вернулся из армии, мы поженились и почти сразу переехали в Уфу вместе с моими родителями. Позже в Россию и его родители перебрались. Кстати, Саша, помнишь Славу, Славу Киселёва?.. Это он – мой бывший...

– Конечно, помню...

(Так всегда, память оставляет именно такой образ человека, каким его видишь в последний раз. Я тут же вспомнил нашу единственную после окончания школы встречу с ним. И образ Славки запечатлелся в памяти далеко не в весёлом виде.

Встретил я его в Ульяновске, где гостил у родственников, три года назад. Слава сидел возле церкви в инвалидной коляске и просил милостыню. Я пытался с ним заговорить, но он долгое время делал вид, что не знает меня. Я был настойчив, но он не поддавался. Потом, в конце концов, решительно поднял

голову, посмотрел мне в глаза и сказал:

– Ну, если мы с тобой знакомы, то выручай старого друга...

– Чем я могу тебе помочь, Слава?

– Дай сотню...

Я был в смятении. В душе творилось что-то непонятное. Достав из бумажника сотенную купюру, я протянул её школьному товарищу. Он резко вырвал деньги, будто боялся, что я передумаю, и быстрыми движениями рук заставил свою инвалидную коляску торопливо удалиться.

Ещё несколько минут я стоял на том же месте и не мог сообразить, что же произошло. Больше мы с ним не виделись.

Со временем я немного успокоил себя тем, что это и не Славка вовсе. Да Бог ему судья...)

Конечно же, я не стал посвящать Свету в свои воспоминания об этой встрече. Ненадолго замолчал. Потом спохватился:

– Подожди, Светик. Получается, Славка умер? Где, говоришь? В Ульяновске?

– Да... Покончил с собой... Совсем недавно... Неделю назад... Я в командировке за границей была. На похороны попасть не получилось. Даже проститься по-людски не удалось...

И Света опять горько заплакала. Я налил ей стакан минеральной воды и попытался успокоить.

Много вопросов рождалось в голове, но я не решался их задать. Несвоевременно как-то.

Света успокоилась. Появилась проводница. Принесла постельное бельё. Предложила чай, от которого мы поспешили отказаться. Я достал из сумки несколько бутербродов с колбасой, пяток варёных яиц, сало и термос с кофе и уселся за столик напротив собеседницы.

– А что-нибудь покрепче у тебя есть? – спросила она.

– Найдём, – на выдохе ответил я и водрузил на стол бутылку стерлитамакской водки.

Первую рюмку выпили молча, каждый думал своё.

За окном уже стемнело. Время перевалило далеко за полночь, но спать не хотелось. Равномерный стук колёс почему-то не действовал усыпляюще, как это обычно бывало.

– Хорошо нам со Славиком жилось сначала, – нарушила тишину Света. – Хоть и трудно, но всё же хорошо. Тяжело было устроиться на новом месте – ни друзей, ни знакомых. Купили домик на окраине Уфы и стали жить вместе с моими родителями. Слава устроился на работу автослесарем – он же училище окончил. Уставал сильно. Но, знаешь, Саша, он всегда старался со мной быть весёлым – живчиком таким. Можно сказать, на руках носил. И в парк, и в кино по выходным, да и просто так вечерами по городу гуляли...

А какой он был счастливый, когда у нас Димка родился! Что ты!.. Горды-ы-ый!.. Как будто у него одного в мире жена сына родила. Как он за ним ухаживал, буквально трясся над Димой и надо мной. Помогал во всём. Иной раз приходит с работы, чуть с ног не валится, а хотя бы одна пелёнка несвежая будет – тут же в баню и за стирку... Внимательный.

Когда сын подрос, муж стал уговаривать меня родить ещё одного ребёнка. Но я попыталась его отговорить, мол, подумай, мы живём вместе с родителями. И так в доме не развернуться. У Димы даже своей комнатки нет, а ты ещё одного хочешь...

Вот тут, наверное, всё и началось... – Света замолчала. Мы выпили ещё по чуть-чуть.

– Ты не подумай, что Слава меня упрекал или винил в чём-то. Нет. Он просто начал искать способ заработать на отдельное жильё, будь оно неладно. Что он только не предпринимал, как только не вертелся. Зарабатывал неплохо, но, как назло, дома и квартиры дорожали с каждым днём.

В общем, в один злосчастный день приходит Слава домой и говорит, что написал заявление в военкомат и собирается ехать в Чечню. А это 1995 год. Помнишь, что тогда там творилось?

Я всеми способами умоляла его отказаться от этой затеи. Уже и согласилась родить ещё ребёнка. А он ни в какую – я должен обеспечить семью, и всё тут. Упрямый ужасно... В общем, через месяц он уехал на войну!..

Мы выпили со Светой по третьей. Закусили. Немного помолчали.

– Он писал почти каждую неделю, – вздохнула Света. – Скучал сильно. Письма были тёплые, добрые... Через полгода приехал. Жив-здоров, за исключением небольшого шрама на руке, и чёлка на голове совсем седая...

(Тут я невзначай вернулся к воспоминаниям о человеке в инвалидной коляске. Сомнений не оставалось. Это был Слава. Суровый, наскоро побритый мужчина с прядью седых волос на лбу. Но почему он отказался меня узнавать – это осталось вопросом...)

– Он изменился сильно, – продолжала Светлана. – Стал молчаливым, с потускневшими глазами. Мог подолгу сидеть где-нибудь один. Даже втихомолку плакал. Но при мне и сыне старался быть прежним Славой.

Что самое обидное – когда мы получили в Сбербанке его деньги, оказалось, что на жильё нам не хватает. Инфляция сожрала весь его мучительный труд. Да чёрт с ними, с деньгами, я была счастлива, что он вернулся. Что он теперь рядом. Но моя радость быстро улетучилась – через два месяца он опять уехал в Чечню.

Во второй раз я получила от него два письма, а потом... – и Света замолчала. На глаза её навернулись слёзы. Не дожидаясь меня, она выпила ещё одну рюмку и тяжело вздохнула:

– ...А потом около четырёх месяцев была тишина – долгая, мучительная, душераздирающая тишина. Я не знала, что делать, куда деваться. Не могла есть, не могла спать нормально, пока... Пока в один из серых дней не пришло письмо от начальника военного госпиталя в Ростове-на-Дону, где говорилось, что мой Слава... – и голос Светланы задрожал. – ...Мой Слава тяжело ранен в позвоночник, и вся его нижняя часть тела отказала. Пуля снайпера сделала его инвалидом. И теперь Славка не хочет возвращаться домой. Говорит, чтобы не быть обузой...

Что страшно, Саша, потом, когда я уже приехала его забирать, узнала, что снайпера, который моего Славу... В общем, снайпер – девка была, представляешь. Сучка. Сама,

тварь, из Омска. В своих же русских парней стреляла... Поймали её потом. Ну и... в общем... сам понимаешь, что с ней сделали...

Затем около полутора лет мы со Славой провели в госпиталях, пытались его на ноги поставить. Все заработанные деньги на лечение ушли – да всё впустую. Ничего не помогло.

Славка сильно изменился. Никто ему стал не нужен. Даже с Димкой, со своим сыном, он был холоден. А про меня уж и говорить не стоит. Почти не обращал внимания. Только придирался по всяким пустякам. Начал сильно пить. В пьяном угаре всю ночь скандалил, бил посуду, кричал, как бешеный. И пил, пил, пил... Бывало, утром швырнёт в меня чистые, постиранные носки и требует новые.

Частенько упрекал в том, что я ему ещё одного ребёнка не родила, а вот сейчас, мол, он даже и на это не способен...

Так продолжалось больше года...

Не скрою, я начала его ненавидеть. За что он нас обижал? Меня и сына, за что?..

Ко мне стал захаживать в гости коллега. Нет, не подумай, Саша, у нас ничего не было. Хотя иногда так хотелось бросить всё и упасть в объятия нового поклонника.

Славка это почувствовал. Начал обвинять меня в измене и требовать развода. Я отказывалась, сопротивлялась... Но под настойчивые уговоры моих родителей и по требованию Славы мы с ним всё-таки развелись. И он уехал к своим родителям в Ульяновск.

Мой коллега – Алексей – стал просить меня выйти за него замуж. Но я не соглашалась. А Слава на письма не отвечал.

Вот так я и жила до сих пор. Алексей приходит постоянно, а от Славы ничего...

А неделю назад я получила телеграмму о том, что Слава покончил жизнь самоубийством. Вот так...

Наступила длительная тишина. Света молча смотрела в окно. Уже светало. Мимо проносились деревья, чьи-то дома, поля, но Светлана их не видела, она была где-то далеко в своих мыслях.

Усталость бессонной ночи и алкоголь сделали своё дело, и Света тихонько задремала. Лишь изредка во сне она стонала.

Я смотрел на эту чудесную, но очень несчастную женщину и думал: «Боже мой... Светка, Светка... Светка Ромашова... Кто же знал, что у этой, в прошлом вечно жизнерадостной, весёлой и улыбчивой девчонки с длинными волнистыми русыми волосами и с глубокими, как Чёрное море, глазами, будет такая нелёгкая жизнь.

И что Славка, отъявленный заводила и хулиган, одновременно пишущий стихи, романтик, так быстро покинет этот бренный мир!..»

Разбудил я Свету на подъезде к Ульяновску. И вышел вместе с ней. Ничего страшного, если я задержусь день-другой здесь. Навещу своего старого приятеля.

Родители Славы меня тоже вспомнили. Рассказали, что всё это время после развода он проводил у вокзала или у церкви, выпрашивая милостыню. Возвращался домой пьяный, но не дебоширил. Утром просил у матери прощения, однако всё повторялось...

Что удивило – он не оставил никакой предсмертной записки...

Свежая могила на кладбище отличалась от других только большим количеством цветов и красивым крестом.

День прошёл незаметно и как-то пасмурно...

Назавтра мы разъехались...

Радостные минуты встречи с женой и сыном ненадолго отвлекли меня от раздумий об одноклассниках. А вечером следующего дня, разбирая свою почту, накопившуюся за время отсутствия, я наткнулся на письмо, пришедшее три дня назад из... Ульяновска. Я замер и в течение нескольких минут не мог даже открыть конверт.

Подозрения оправдались – это писал Слава, причём перед самой смертью. Как он узнал мой адрес?!..

Он просил прощения за нашу встречу возле церкви, объясняя своё поведение тем, что боялся в минуты слабости рас-

сказать историю любви к Свете. В письме же он всё подробно изложил. Оказалось, Слава специально устраивал скандалы и беспробудно пил, чтобы жена возненавидела его и бросила. Не хотел он губить её жизнь. Надеялся, что после развода она выйдет замуж за хорошего человека и будет по-настоящему счастлива.

Он писал, как сжималось сердце, когда думал о ней, о сыне. Как плакал, получая от Светы письма. Но не отвечал, надеясь, что она со временем смирится и забудет его.

Шло время, но его любимая не соглашалась стать женой другого. И тогда Славка решился совсем уйти... Уйти из жизни, чтоб не мешать.

Последней просьбой одноклассника ко мне было – ничего не рассказывать Светлане об этом письме.

Я не знал, как поступить. И решил сделать, как он просил. Ничего не говорить!..

* * *

Прошло несколько лет. Меня снова пригласили в Уфу читать лекции в институте.

На одном из занятий я начал знакомиться с новой группой. И бросилась мне в глаза одна фамилия в журнале: Киселёв, Дмитрий Киселёв.

После лекций я попросил Диму остаться для беседы.

Во время разговора стало ясно, что это сын моих школьных друзей. Что мама его, Светлана, вышла замуж за Алексея и родила девочку. Что об отце своём Дима знает и от матери слышал в его адрес всё только доброе...

Ответ на мой вопрос: «Что делать с письмом Славы?» – пришёл сам по себе. Я не отдал письмо Свете, как и обещал. Но передо мной сидел Дмитрий Вячеславович Киселёв. Взрослый человек!..

03–04.06.2003

р. п. Пителино и г. Сасово Рязанской обл.

Шрамы украшают мужчин

Автобус подкатил к остановке, и салон начал постепенно заполняться. Все места для сидения были уже заняты, кроме одного на задней площадке. Тут по лестнице с некоторыми усилиями вскарабкался мальчишка лет шести и бегом устремился к незанятому месту. Уселся поудобнее и прильнул к окну, за которым шумно мелькали разноцветные машины. Молодая девушка, лет двадцати пяти, с двумя полными холщовыми сумками килограммов по пять каждая и женской сумочкой через плечо подошла к мальчику, поставила одну сумку на пол, зажав её ногами, и ухватилась освободившейся рукой за поручень. Вторую сумку поставить она не решилась, так как по находящейся сверху упаковке было понятно, что там десяток куриных яиц. Груз хрупкий и ценный.

– Мам, а мы завтра пойдём в кино на новый мультик? – обратился мальчик к этой девушке.

Мамочка поправила сбившуюся на глаза, вспотевшую прядь тёмных волос, которая ещё с утра была аккуратно уложенной чёлкой, и, вздыхая, ответила:

– Никитушка, завтра ты опять пойдёшь в садик. А на мультики мы пойдём в субботу. Хорошо, милый?

Мальчишка насупился, скрестил руки на груди и демонстративно отвернулся:

– Плохая ты...

Автобус тронулся. Кондуктор – немолодая грузная женщина, – подойдя к брюнетке и обидевшемуся мальчугану, попросила оплатить проезд и добавила начальничьим голосом:

– Скажите сыну, чтобы держался. Транспорт всё-таки... Дорога... Всё может быть...

– Никитушка, держись, сынок, – нерешительно продублировала мама требования кондуктора.

Но мальчишка только громко вздохнул, даже не посмотрев на девушку, раздражённо подёрнул плечами и остался восседать в том же положении.

Кондуктор пошла дальше, выглядывая в пассажирах вновь прибывших, а девушка решила, что вопрос закрыт, и не стала уговаривать мальчика, чтоб тот держался.

Тут раздался приглушённый звук модной мелодии. Музыка доносилась из женской сумочки, висевшей на плече этой самой мамыши. Она обвила свободной рукой вертикальный поручень и стала копаться в сумочке, разыскивая телефон, издававший этот громкий во всех отношениях хит. Прокопавшись несколько секунд, параллельно задавая себе в уме вопросы из разряда «откуда здесь взялась та или иная вещичка», девушка всё же нашла мобильник, но тот по закону подлости сразу замолчал. Вглядываясь в экран телефона, с досадным выдохом «Блин» брюнетка, быстро нажимая на кнопки, определила звонящего и, победно ткнув в клавишу вызова, приложила трубку к уху.

— Алё, привет, подруга... Да-а, в автобусе едем с Никиткой. Просто руки заняты сумками, вот и не сразу ответила.

Девушка ненадолго замолчала, слушая, что говорит ей подруга.

— Ой, Машка, — вдруг ответила она. — Я так устала, что просто нет сил идти эти три остановки до дома. Всегда прогуливались, а сегодня уж решили на автобусе. Да ещё и Никитка попросил ему шарлотку испечь. Вот забрала его из сада, зашли в магазин за мукой да яблоками, ну и набрала я, как всегда, полные сумки. А что делать? Ты же знаешь. Кто мне купит, принесёт всё? Я сама. Я и баба, и мужик. Хех, — то ли с подобием улыбки, то ли с недовольной гримасой выдохнула девушка. — Ты-то как сама? Как у вас с Лёхой?..

Мальчишка у окна в этот момент чихнул. Мамаша, прижав телефон к уху плечом, достала из кармана носовой платок и, отцепившись от поручня, с трудом держа равновесие из-за тряски автобуса, стала вытирать нос сына. Тот недовольно дёрнул головой, давая матери понять, что он ещё в обиде.

В телефоне, судя по всему, начался затяжной рассказ о непростой ситуации у Машки, так как брюнетка больше слушала, чем говорила. Только изредка она вставляла в разговор свои «да ты что?..», «вот это да...» и «ничего себе...» и пару раз спросила: «А ты? А он?»

В конце концов заключила:

– Знаешь, Машка, все они, мужики эти, козлы. Тебе ещё повезло, что он сбежал, когда ты ему только о свадьбе намекнула. А мой-то, вспомни, свалил, когда узнал, что у меня уже срок два месяца... Теперь вот я одна с Никиткой. А у тебя такого... м... м... – девушка взглянула на сына, соображая, как объяснить подруге о беременности, но чтоб мальчик не догадался, о чём речь. – ...у тебя такого «подарка» ещё пока нет, слава Богу. Так что радуйся, что именно сейчас расстались, а не потом, когда поздно будет.

И вообще, Машка, я поняла, что мужиков сейчас уже совсем не осталось. Посмотри на всех наших девчонок... Кто замужем? Раз-два и обчёлся...

– Мам, хочу машинку, – перебил разговор обидевшийся в недавнем прошлом мальчишка. – Ма-ам. Хочу-у машин-ку...

Брюнетка отвлеклась от телефона:

– Никитушка, – нежно проворковала она, – милый, обязательно купим. Позже.

– Сейчас хочу... – закапризничал и захныкал сыночек.

– Никит, ну пожалуйста, дай я с тётей Машей поговорю, – и брюнетка переключилась вновь на разговор по телефону.

Автобус покачивало на дорожных ямах, и девушка с телефоном уже прижалась к поручню почти всем телом, чтобы не мотаться, как флажок на ветру. А мальчишка заныл противным и нудным голосом.

– А в принципе, Машка, – продолжила брюнетка, – по большому счёту, на фиг эти мужики нужны? Вон моего, к примеру, возьми, когда жили вместе, что делал? Да ничего. Каждый день: придёт с работы, почавкает, завалится на диван и в ноутбук пялится... Ни в кино с ним, ни в бар, ни просто погулять по парку. Он, видите ли, с работы и устал. А где он там уставал-то? Компьютерщик очкастый... А я, как дура, прибегу со своей работы на заводе, приготовлю вкусненькое что-нибудь, жду его. То ему, это ему... А он даже «спасибо» за ужин не скажет. Я про цветы и подарки вообще не говорю... Зато ему в любой момент денег на пивко вынь да положи... Никакого осознания... Никакой жалости... Сам дома палец о палец...

– Ммм-а-амм... – настойчиво продолжал ныть мальчишка с нарастающей громкостью...

Тут автобус резко затормозил и остановился. Телефон выскочил из руки брюнетки и чудесным образом влетел в сумку, стоящую на полу. Девушку мотнуло, и она еле удержалась на ногах, в последний момент зацепившись за поручень освободившейся от мобильного рукой. Потная чёлка вновь слетела на увеличившиеся от неожиданности глаза. Вторая сумка, бывшая в другой руке, ударилась о соседнее сиденье, и на упаковке с яйцами появились мокрые пятна.

Мальчишка, вовремя выставивший руки вперёд, нисколько не пострадал и даже не испугался. Слегка опешив, он всё же понял, что произошло, и, увидев, как его маму мотало возле поручня, посчитал это происшествие очень забавным, отчего начал хохотать над ней. А когда перевёл взгляд на других людей, потиравших ушибленные локти и колени, стал хохотать ещё сильнее.

Мамаша осмотрела и обцеловала сына, который во весь голос смеялся над окружающими, взяла его за руку, в другой руке у неё оказались обе тяжёлые сумки, и направилась к выходу, посылая ругательства в сторону водителя автобуса и желая ему всего самого недоброго. А извинения шофёра и объяснения, что прямо под колёса с тротуара выскочила дамочка с детской коляской и он вынужден был резко затормозить, вызвали ещё большие проклятия брюнетки в сторону автобуса и всех окружающих.

Подойдя к выходу, она раздражённо пнула по двери, давая понять, что намерена немедленно покинуть салон автобуса...

Двери открылись, и мамочка с сыном, показывающим водителю язык, выскочили на улицу. Девушка продолжала громко кричать, обещая написать жалобу в автоколонну...

Водитель ещё несколько раз извинился перед оставшимися пассажирами, которые просто молчали и смотрели на него. Кто-то понимал, что на дороге бывает всякое. Кто-то считал, что проклятий удалившейся брюнетки было уже достаточно. В итоге двери автобуса закрылись, и он покатил дальше по маршруту.

На следующей остановке в салон зашли ещё несколько человек. Мужчина лет сорока, увидев свободное место, направился к нему, но в последний момент заметил позади себя кудрявого рыжего улыбчивого мальчугана лет пяти, который держался за руку красивой блондинки. Мужчина остановился и жестом руки предложил девушке свободное место. Мальчишка немного отодвинулся в сторону, пропустил маму, которая села на сиденье, и встал с ней рядом. Блондинка, поблагодарив мужчину, приобняла своего малыша и что-то ему сказала.

Тут к ним поспешила кондуктор, которая уже с середины салона стала громогласно и убедительно просить блондинку срочно посадить ребёнка. Мальчик повернулся и поднял голову на кондуктора:

– Тётя, пусть мама сидит, – произнёс с детской серьёзностью мальчишка. – Я постою, ведь я же музычина.

Мамочка согласно кивнула головой в сторону сына и повторила для кондуктора:

– Женщинам нужно уступать место в транспорте. А он мужчина. Он постоит.

– Мужчина, мужчина... – подтвердила кондуктор, глядя на малыша.

Потом перевела взгляд на девушку:

– Но это дорога всё-таки... Всё может быть... Автобус резко затормозит, мальчик упадёт и ударится. А нам потом отвечать...

– Вы правы, извините, – согласилась блондинка, одновременно усаживая сына к себе на колени. – Но даже если он и ударился бы, посадил синяк, ну что ж, ничего страшного... Шрамы украшают мужчин...

18.11.2014

г. Коломна Московской обл.

Юрка + Лена

Юрка был необычным мальчишкой. Его внешность непривольно вызывала милую улыбку у посторонних людей. Два маленьких глазика голубовато-зелёного цвета, казалось, горели возле вздёрнутого, вечно потеющего, носика на конопатом личике. Огненно-рыжая шевелюра слегка прикрывала торчащие, как локаторы, уши.

— Какой милый мальчик... — ахнула воспитатель детского сада, когда увидела Юрку, стоящего вместе с мамой в раздевалке. — Здравствуй, малыш.

— Здрасьте, — процедил недовольно мальчишка.

Несмотря на то, что Юрке было уже шесть лет, в детский сад он пришёл впервые. Будучи всегда под присмотром бабушки, сейчас, когда её положили в больницу, мальчик остался как бы не при деле. Если, конечно, можно так выразиться. Дел у Юрки было невпроворот. Ещё бы... Уже начался курортный сезон, и их город Сочи наполнился интересными отдыхающими. Разные-разные люди ходили вокруг.

Юрка, шустрый от природы, уже давно собрал команду таких же мальчишек, с которыми организовал торговый бизнес. То у соседки тёти Нюры тайком нарвут яблок, то наловят креветок или рыбы, а то и у бабки Шуры умыкнут из погреба трёхлитровую банку самогона и ходят потом по пляжу, предлагая свой товар загорающим. А вечером все заработанные деньги превращались в мороженое и лимонад, которые поедались дружной компанией.

В общем, дел было много. А тут вдруг, не спросив у него, Юрку повели в детский сад.

— Мам, за что? За что ты меня тащишь в эту клетку? — плакал он по дороге.

— В какую клетку? — удивлялась мама.

— Хоть мы и дети, но мы — тоже люди. Почему меня, как тигра, надо держать за этой решёткой? — и Юрка показал на высокий железный забор вокруг детского сада.

Но взрослые не поняли свободолюбивой натуры ребёнка, и мальчик был передан воспитательнице вместе со сменным бельём, носовым платком и игрушечной машинкой.

– Дети, знакомьтесь, у нас новый мальчик. Зовут его Юрочка. Подружитесь с ним. Не обижайте друг друга, – сказала воспитательница, и Юрка прошёл в комнату, наполненную пёстро разодетыми девочками и мальчиками.

Общий язык со всеми он нашёл быстро: с кем-то поздоровался, кому-то улыбнулся, у кого-то выменял на машинку самолёт, кому-то наступил на ногу, а у кого-то даже купил за рубль целую кучу солдатиков. В общем, общественная жизнь началась.

И во всей этой кутерьме Юрка как-то не сразу увидел... ЕЁ. Самая красивая девочка сидела в сторонке в компании подружек и играла с куклами. Подойти к ней мальчишка не решился, а только узнал у других, что зовут её Лена.

Он весь день как бы невзначай поглядывал на девочку, пытаясь поймать её взгляд, но, увы, она его не замечала...

Вечером, когда родители пришли за детьми, в раздевалке он вновь встретился с Леной. Но она и сейчас не смотрела на него, а молча надевала босоножки.

По счастливому стечению обстоятельств им оказалось по пути. Мама Юрки любезно общалась с мамой Лены, а дети шли, держась за руки, по разные стороны от родителей. Ребята молча отмеряли шаги к дому.

– Мам, а ты купишь мне велосипед? – спросила вдруг Лена.

– Леночка, обязательно купим велосипед. Только давай подождём, когда папа получит денежки. Хорошо? – ответила мама.

– Ладно, – сказала девочка и впервые посмотрела на Юрку, но уж очень хвастливо.

– Хм, – усмехнулся он и демонстративно отвернулся от воображалы.

«Подумаешь – велосипед... Папа купит... – размышлял Юрка. – Да я, если захочу, сам куплю всё что вздумается, без помощи папы и мамы...»

И тут Юрку осенило. Он догадался, как сможет завоевать сердце этой девочки. Точно, он сам купит двухколёсное чудо и подарит ей. И тогда Лена будет дружить с ним всегда. Ах, Лена...

Юрка с нетерпением ждал приближения субботы, когда его наконец не поведут в детский сад и он сможет купить велосипед...

Вот и суббота. Но она не принесла большой радости: Юрка встал рано, разбил свою копилку и с кучей мелочи поспешил в магазин. Но тётка, называемая продавщицей, огорчила его тем, что сбережений на покупку маловато.

Юрка вернулся домой огорчённым. Но унывать даже и не собирался.

Всю субботу и воскресенье дворовая ребятня помогала Юрке набрать нужную сумму. Но, увы, денег всё равно не хватало. Самую малость, но не хватало.

Понедельник казался Юрке пасмурным и от этого совсем не весёлым. Целую неделю ему предстояло ходить в детский сад.

А вдруг на этой неделе папа Лены получит деньги и купит велосипед? И всё. Тогда больше не видать ему этой милой девочки. Он не сможет её удивить... Юрка стоял на углу детсада возле высокого забора и пытался прогнать эти мысли прочь, но тщетно.

Ребята весело резвились на детской площадке, а Юрка искал ответ к, казалось, неразрешимой задаче.

— Мальчик, здравствуй, — неожиданно раздался приятный женский голос.

— Здравствуйте, — Юрка поднял глаза и посмотрел за забор на тётку, стоявшую перед ним. Таких красивых он видел только в кино и красочных журналах. Но в фильмах обычно их сопровождали здоровенные мужчины-герои. А сейчас Юрка очень удивился, когда увидел рядом с красавицей толстого дядьку, похожего на Карабаса-Барабаса.

— Мальчик, ты не мог бы подарить нам пёрышко вон той птички? — и женщина указала в сторону небольшого загончика, где гордо расхаживала парочка павлинов.

Они уже давно жили на территории детского сада. Воспитатели постоянно ухаживали за ними, а дети с живым интересом рассматривали диковинных птиц.

— Ты нам пёрышко, а мы дадим тебе рубль на мороженое, — сказал «Карабас-Барабас».

– Шас, – когда дело касалось денег, глаза у Юрки загорались живым огоньком интереса.

Улучив момент, Юрка пробрался в загончик и выдернул перо из хвоста павлина. Ещё несколько манёвров – и мальчишка стал богаче на целый рубль, а парочка отдыхающих удалась восвояси. Глупая тётка сияла от удовольствия.

Если бы Юрка знал слово «Эврика», он, несомненно, воскликнул бы, как Архимед. Так как решение финансовой проблемы наконец-то нашлось.

Не теряя времени, Юрка по-партизански прокрался к павлинам. Расположение загончика было очень удобным для мальчишки. Густые заросли кустарника надёжно скрывали его от ненужных в данную минуту взглядов воспитателей. Быстренько, но аккуратно Юрка надёргал из хвостов птиц пару дюжин перьев. Павлинам это очень не понравилось. Они попытались привлечь к себе внимание и пожаловаться, но из-за весёлого шума и смеха ребятни воспитатели ничего не услышали.

Выждав несколько минут, Юрка перекинул через проём в заборе ценный груз и полез на вершину ограды. Оставалось совсем немного, и мальчик уже представлял, как он продаст эти перья отдыхающим и наконец-то исполнит заветную мечту своей принцессы. Он, как рыцарь, подъедет к Леночке на белом... велосипеде и преподнесёт его ей в подарок, тем самым навсегда завладев её сердцем.

Сладкие грёзы развеялись моментально, когда Юрка услышал треск рвущегося материала. Предательская пика на вершине железного забора беспощадно зацепила его за шортики и даже не думала отпускать. Нога Юрки соскользнула, и мальчишка повис на заборе, как ёлочная игрушка.

Ничего не оставалось юному рыцарю, как только кричать и звать на помощь, признавая этим своё поражение...

Воспитатели появились быстро. Так же быстро обо всём узнали мама и папа. Вместо свидания Юрка простоял весь вечер в углу, раздумывая, как же он посмотрит теперь в глаза Лены...

* * *

Наступило следующее утро. Юрке ни за что не хотелось просыпаться. Но всё-таки его подняли, и, сгорая от стыда, мальчик появился в детском саду.

Он стоял перед воспитательницей, опустив голову и разглядывая свои босоножки, как вдруг в ворота въехала Лена на новеньком сверкающем на солнышке велосипеде.

Юрка смотрел на неё, не отрывая глаз, и непонятные чувства переполняли его душу...

Но тут девочка подъехала прямо к нему и произнесла:

– Привет. А мне папа вчера купил велосипед. Видишь, какой красивый!

Юрка только молча и огорчённо кивал головой.

Лена плавно слезла с сиденья и улыбнулась:

– Хочешь прокатиться?..

* * *

Через несколько дней папа Юрки принёс в детский сад ещё одну пару красивых павлинов.

03–30.03.2004

*с. Ям Домодедовского района
Московской обл.*

Фермерши

Случилась эта небольшая история, которую я хочу вам рассказать, в пору, когда я работал в Автоколонне 1417 города Коломны водителем автобуса...

В тот день я колесил по седьмому маршруту, где курсировал не обыкновенный, так сказать, полноценный автобус, а небольшой «Мерседес-Спринтер», который многие называют «маршруткой». В этом микроавтобусе сразу за водительским сиденьем располагались места для пассажиров, которые зачастую приносили в мою шофёрскую жизнь некоторое разнообразие, так как я становился невольным слушателем всевозможных жизненных историй.

С годами я научился не обращать внимания на разговоры пассажиров за спиной и даже стал умудряться заниматься своим любимым делом — сочинительством.

В общем, веду я автобус по маршруту и, по обыкновению, в уме «перемываю тонны словесной руды», как говаривал Маяковский, то есть сочиняю новое стихотворение. И тут на остановке в салон заходит молодая красивая девушка. Одета со вкусом, и макияж приятный. Расплатилась. Села на одно из вышеописанных мест. Поехали. Рую, смотрю на дорогу, про себя бубню слова — ищу рифму. Следующая остановка. В автобус заходит ещё одна молодая красавица. Увидев девушку на первом сиденье, улыбается:

— Светик, привет.

— Привет, Маринка, — отвечает первая и двигается к окну, приглашая сесть рядом.

Подружки устраиваются поудобнее. Поехали. Привычный набор взаимных вопросов и ответов о семье, детях, мужьях, которые, некогда, ездят на машинах, а за жёнами на работу заехать не хотят... В общем, быт... Я продолжаю искать рифму, но тут... та, которая Маринка, произносит:

— Слушай, а как там ферма твоя?

Меня привлекает этот вопрос. Смотрю в зеркало заднего вида на девушек. «Ферма? — начинаю размышлять. — Я их в центре города посадил. Они сказали — с работы едут, откуда

их мужья на машинах забрать не хотят. А где там может быть ферма? Ну, — думаю, — наверное, о даче спрашивает».

— Нормально, Марин. Коровник достроила. Четыре коровы у меня...

«Почему достроила, а не достроили? В смысле — с мужем. Сама, что ли, строила?» — мучаюсь я в догадках.

В это время моя Муза понимает, что мне с этими девушками становится интереснее, чем с ней, и поэтому покидает меня, так и не дав возможности отыскать рифму и вообще закончить начатое стихотворение.

— ...И каждая уже по два ведра молока даёт... — продолжает Светик.

Я хоть и парень городской, но частенько бывал в деревне, и даже в детстве школьные каникулы там проводил, а поэтому знаю, что два ведра для коровы — это, можно сказать, рекорд. Заинтересовываюсь ещё больше...

— Молодец. А помощников сколько у тебя?

— Трое, — с гордостью заключает Светлана.

Тут у меня начало всё складываться понемногу. «Ага, — думаю, — значит, сама она в городе работает, наверное, магазинчик молочный свой, а где-то там, на ферме, на неё помощники батрачат. Ну похоже, похоже, одета неплохо, макияж, золотой браслет...»

Некоторое время обсуждают, у кого сколько деревьев и кустарников на участке и как плодоносят они вообще.

— А я вот капусту развела, — произносит Маринка. — Решила попробовать...

«И эта фермерша? — удивляюсь я. — Ну вот, а ещё говорят, в России с фермерством-крестьянством проблемы. Вон какие кадры!!! Не пропадём».

Потихоньку интерес к пассажиркам у меня начинает пропадать, так как всё вроде ясно, как вдруг Маринка выдаёт:

— Кстати, подружка, ты мне лопату-то верни. А то мне картошку копать надо. Осталась пара грядок. Ты свою, наверное, выкопала уже?

Тут мои мозги начинают давать сбой. И не столько от того, что не могу представить себе этих почти манекенщиц с неде-

шёвым маникюром и солярийным загаром с лопатами в руках, сколько от того, какую картошку они собрались копать в январе месяце?! Для подтверждения своего НЕ-сумасшествия пристальнее вглядываюсь за ветровое стекло: снег же лежит вокруг!

– Ах да, хорошо, верну, – ответила Светлана и, потревожив подругу, стала пробираться к выходу, так как мы подъезжали к очередной остановке.

Я в полусознательном состоянии останавливаюсь.

Светлана выходит, махнув подружке ручкой:

– Пока, Марин. Своим привет...

Я провожаю её взглядом, сожалея о том, что тайна нового морозоустойчивого сорта картошки остаётся для меня покрытой мраком. Ну что ж, не судьба. Двери закрываются. Поехали.

Не успели мы проехать и ста метров, у Марины раздаётся телефонный звонок.

– Да, Светик...

Слушает.

– Грабли тебе подарить?..

Мои глаза округляются, и уже без моего ведома взор сам переводится вновь в зеркало заднего вида, на эту фермершу...

– Граблей не хватает до полного комплекта, чтоб в следующий тур перейти? Ну хорошо, сейчас домой приеду, и если Мишка компьютер не занял, то зайду в Интернет на «Ферму»... И подарю тебе грабли...

25.11.2014

г. Коломна Московской обл.

Медицина — это сила

Моему гегу Василию Ивановичу посвящается...

Июнь 1935 года в Оренбуржье выдался обычным, не очень жарким. Однако с двадцатисемилетнего ветеринара Василия Позднякова пот лил ручьём. На врачебной ниве он трудился уже более пяти лет, работу свою любил и выполнял с огромным удовольствием, поэтому, когда началась горячая пора — массовый отёл, — почти круглыми сутками находился на пастбище или ферме...

Егор Захарыч, обычно бодренький и вечно куда-то спешащий старичок, сегодня еле передвигал ноги. Отрешённо ступая по толстому слою пыли, покрывшей дорогу, он направлялся к ферме. Было раннее утро, но солнце уже хорошенько прогрело воздух, и восьмидесятипятилетний дед в ушанке и телогрейке абсолютно не вписывался в эту летнюю картину.

— Ох ты, мать твою за ногу, что ж так зябко-то? — недоумевал Захарыч и ещё больше запахивал на себе одежду.

Так, потихоньку поругивая всё вокруг, старик добрался до ветеринарки и, тяжело ступая, поднялся по лестнице крыльца. Полусонного Василия он застал в кабинете сидящим за столом и разбирающим кипу бумаг.

— Здравствуй, доктор, — проскрипел дед и снял шапку.

— И тебе не хворать, Захарыч. Ты чего такой? — пригляделся к нему Василий. — И зачем здесь?

— Так, похоже, как раз и захворал я. Ломота в костях, да знобит что-то...

— Ну тогда тебе врачу показаться не мешало бы.

— Вот я и пришёл по твою душу. Врач ты или хрен с бугра?

— Я ветеринар. Я животных лечу, Захарыч. Коней, коров... Понимаешь?.. Тебе к человеческому доктору надо, — попытался объяснить Василий.

— Какая, к шуту, разница? Все мы божьи создания. Я к тебе за помощью пришёл, лекарств каких-нибудь дай, и по́лно. Я ж не остограммишься прошу. Хвóрый я, слышишь?

– Ты ж не болеешь никогда, – заёрничал ветеринар. – Сам говорил. Да ещё и медицину на чём свет стоит костерил. Поди, самогоночки холодной шмякнул, Егор Захарыч. Она-то тебя и заморозила.

– Ты, Василий, это... на святое не замахивайся. Можешь вылечить – лечи. А нет – так нёча тут попусту зубоскалить. Пойду домой. Авось Господь приберёт. Отмучаюсь...

– Ладно, всё-всё, – осёк его ветеринар, мысленно ругая себя за невнимание к старику. – На-ка вот, держи, – протянул деду градусник. – Вставляй в подмышку.

Дед с интересом принял стеклянную палочку и стал запикивать её в означенное место.

– Захарыч, ну как ты его... Да нет же... – Василий, поднявшись со стула, взял градусник у деда и сам вставил его куда и как полагалось. – Посиди чуток... Вон в уголке... Извини, я пока попишу. Всю ночь не спал, а мне ещё журнал заполнять. Сам понимаешь...

– Может, пять капель накапаешь, доктор? Сказывается мне, хворь-то как рукой снимет. А? Спиртик-то завсегда припрятан у тебя где-нибудь...

– Та-а-ак, Захарыч...

Старик, понимая безрезультатность своей просьбы, на полусогнутых скрылся за дверью:

– Нет так нет. Пойду, подымлю на крылечке... Охо-хошеньки, мать моя женщина... – выругался он в пустоту...

Спустя пару минут в кабинет вбежала доярка Павлина. Сбившаяся на один глаз косынка, взлохмаченная прядь волос, горящее багрянцем лицо придавали ей образ пирата в юбке, что вызвало у ветеринара невольную улыбку. Однако веселье моментально улетучилось, когда Паша заголосила:

– Василиваныч, там Зорька телится!.. – и скрылась за дверью.

Доктор вскочил со стула и, схватив необходимые инструменты, вылетел из кабинета вслед за дояркой, не замечая никого и ничего...

Прошло три дня. Работы у Василия слегка поубавилось, но он по обыкновению засиделся в кабинете до восьми вечера, заполняя бумаги.

Тут раздался нерешительный стук в дверь.

– Да-да, кто там? Входите, – пригласил ветеринар.

В проёме появился Захарыч и, улыбаясь во все оставшиеся зубы, прошагал к столу:

– Вот, Василий, спасибо тебе, – старик протянул завёрнутый в платочек градусник. – Очень хорошее лекарство – эта твоя стекляшка. Правда, неудобно немного с ней, каждую ночь приматывать к руке пришлось. Но ничего, терпимо... Зато это лекарство твоё шибко мне помогло! На второй день похорошело, а сегодня вообще огурцом себя чувствую. Кстати, про огурцы... тут у меня... вот... – и дед водрузил на стол несколько молоденьких огурчиков и пол-литра первака. – Давай махнём по граммульке за медицину твою. Верно гутаришь: медицина – это сила. Мать её так!..

29–30.10.2015

г. Коломна Московской обл.

Автограф

Работа охранника-парковщика в аэропорту Домодедово была не из лёгких. Суточное дежурство очень выматывало, но частенько преподносило встречи с интересными людьми – любимцами зрителей или слушателей и даже «кумирами миллионов». Аэропорт – одно из мест, где встретить кого-нибудь из звёзд не так уж и сложно. А учитывая, что работал я там почти 13 лет назад, встречал я многих раскрученных ныне артистов ещё в самом начале их творческого пути – в то время Билан, например, ездил на простой электричке Домодедово – Москва, отправляющейся прямо от аэропорта. Или вот ещё... в те же годы я был свидетелем, как один из солистов группы «Корни» прикуривал сигарету у незнакомых девушек, одновременно всматриваясь в их глаза и ожидая, когда они попросят автограф. Но... не дождался... Девушки, дав ему зажигалку, демонстративно отвернулись и продолжили свой разговор... Это меня повеселило. В общем, много забавного приходилось наблюдать. Работа с людьми трудная, но временами интересная...

Сам я нередко просил автографы у знаменитостей. Это разнообразие всегда поднимало настроение и пусть на время, но отпугивало усталость. Чьих только подписей и пожеланий не хранил в себе мой специально приобретённый для этих целей блокнотик, даже перечислять не буду, так как со многими связаны хоть и минутные, но воспоминания. Не всегда, правда, приятные. Ну, скажем так, это – издержки профессии – моей или их, «звёздной», – в принципе, неважно.

Хочу лишь вспомнить одного из актёров, встреча с которым оставила добрый след в моей памяти. Это не значит, что он был единственный из приятных людей-артистов. Нет. Но почему-то он мне запомнился...

Лето 2003 года. Тепло, даже жарко. Дышать от этой жары и выхлопов машин тяжело. Вялость. Двигаться совсем не хочется. Но я всё же стою на дороге вдоль аэропорта, размахивая жезлом, привлекая внимание проезжающих автомобилистов, провожающих или встречающих кого-то, показываю им, куда можно проехать, дабы не создать так называемую пробку. Поток небольшой, однако некоторые водители умудрялись и

всего тремя автомобилями перекрыть движение и создать великий затор. Поэтому покоя у меня нет: свисток трещит, жезл крутится, жилетка горит ядовито-зелёным цветом – всё, в общем, как обычно.

И тут среди редких проходящих мимо людей вижу красивую атлетическую фигуру в чёрной футболке и со спортивной сумкой через плечо. Владимир Турчинский! «Динамит»*... собственной персоной!.. В фильмах он казался таким огромным богатырём, а тут я даже как-то удивился, сопоставив его размеры с моими. Имею в виду – рост. При моих 188 см я, кажется, возвышался над ним, как над подростком. Хотя не скажу, что Владимир низкорослый, свои 170, может, 175 см он имел. Я не умею точно определять рост, но то, что он был ниже, – это факт. Про ширину артиста я молчу, конечно. Моему подобию мышц до его мускулатуры было ой как далеко...

Ну, как вы поняли, я подошёл к нему. Вернее сказать, перекрыл ему дорогу, широко и от души улыбаясь. Поздоровавшись, я изобразил подобие категоричности, хотя улыбку на всякий случай не спрятал, и шутливо заявил, якобы угрожая:

– Не пропущу, пока автограф не дадите!..

– Ну раз так, то боюсь-боюсь, конечно... – поддержал мою игру Владимир и, ударив пару раз кулаком по своей ладони, добавил: – Что ж, придётся тебе дать... (*пауза*) автограф... – опустил руки и улыбнулся.

Я поспешно вынул из кармана свой блокнот и получил дарственную надпись на одной из чистых страниц. Пожал ему руку, поблагодарил, пожелал удачи и сделал шаг в сторону, освобождая путь артисту. Владимир вновь улыбнулся и пошёл дальше...

Вот такая короткая встреча. Она запомнилась. И я спустя несколько лет с большим сожалением и неподдельной грустью узнал о кончине этого, как я понял, доброго, простого, Незазнавшегося и с прекрасным чувством юмора человека.

Светлая ему память.

10.09.2016 г. Коломна Московской обл.

---

* «Динамит» – кличка майора спецназа ГРУ Озолина, которого сыграл В. Турчинский в фильме «Русский спецназ» (2002 г.). Эта роль стала для актёра звёздной.

Как в Коломне родились два эссе

Красивый старинный город Коломна. Июнь 2013 года. Мы с семьёй недавно переехали сюда на жительство.

В один из тёплых вечеров я, как обычно, сидел за компьютером и работал. Моя супруга Анастасия Александровна уютно расположилась в зале и перечитывала собрание сочинений Антона Павловича Чехова. В какой-то момент она подошла ко мне с открытой книгой и, ткнув пальцем в текст, сказала:

– Прочитай вот этот абзац.

Я заинтересованно переключился на книгу:

«Гости сняли калоши и вошли в тёмный зал. Хозяин чиркнул спичкой, навонял серой и осветил стены, украшенные премиями «Нивы», видами Венеции и портретами писателя Лажечникова и какого-то генерала с очень удивлёнными глазами», – гласил текст.

– Интересно-интересно! – воскликнул я, одновременно разыскивая в книге название рассказа. – Лажечников... Иван Иванович... Великий романист, рождённый ещё во времена Пушкина и прославивший Коломну...

Нашёл. Название – «Невидимые миру слёзы».

С этого момента мне стало интересно, а отражён ли этот с первого взгляда незначительный эпизод в трудах современных коломенских авторов, ведь творчество и биографию Ивана Ивановича Лажечникова коломенцы знают неплохо, стараются освещать и гордятся знаменитым земляком.

К сожалению, никаких упоминаний о том, что Чехов в своём рассказе вспомнил славного коломенца (пусть даже и просто его портрет), я не нашёл. Это не сильно меня расстроило, так как я думал, что, возможно, этот эпизод просто ускользнул от глаз современников-писателей из Коломны и этот недогляд не сложно исправить. А исправить его, мне казалось, необходимо, тем более что спустя некоторое время я нашёл ещё один рассказ Антона Павловича с упоминанием портрета Лажечникова – «Неудача». А это было уже не случайным совпадением героя портрета, а осмысленной автором деталью рассказов.

Как же я был разочарован, когда некоторые ведущие писатели Коломны (опустим их имена) ни на каплю не заинтересо-

вались этой информацией, которую я с удовольствием выдал им. Наверное, сбывшиеся их серьёзные труды были намного выше мелочи, которую я предлагал им осветить в небольшом эссе.

С того момента я всё же не оставил мысли сообщить об этой «мелочи» читателю, в первую очередь — коломенскому читателю. Но специфика моей работы отодвинула это желание на неопределённый (мне казалось, недолгий) срок.

Прошёл год. За это время мне посчастливилось познакомиться и сдружиться с другими талантами литературной Коломны. И вот час икс настал. Всё произошло спонтанно и легко.

Ежемесячно небольшая группа коломенских писателей, прихватив и меня, ездил в соседний город Воскресенск на заседания местного литобъединения им. И.И. Лажечникова. Руководитель Воскресенского ЛИТО Леонид Анфиногенович Дудин прекрасно поставил проведение этих заседаний, и поэтому некоторые коломенские литераторы с удовольствием посещали данные мероприятия и старались их не пропускать.

И вот однажды по дороге в Воскресенск, в разговоре с Галиной Валентиновной Самусенко, я озвучил описанный выше факт упоминания портрета Лажечникова в рассказах А.П. Чехова. К моей радости, это так же, как и меня в своё время, заинтересовало собеседника. В конце беседы, ссылаясь на занятость, я попросил Галину написать о своих размышлениях на данную тему.

Некоторое время спустя мы вновь ехали в Воскресенск и уже с удовольствием читали распечатанное на листах эссе. Потом обсуждали его, спорили, с чем-то не соглашались, но всё же радовались рождению нового интересного произведения.

В этот раз в делегации коломенцев оказался и талантливый прозаик, эссеист Сергей Владимирович Калабухин. В тот же день на обратном пути последним из всех писателей я завозил на машине домой именно его. Мы продолжали обсуждать эссе Галины Самусенко. Сергей, опять же к моей радости, тоже заинтересовался «вопросом портретов» и высказал много мыс-

лей и дополнений, которые, как мне показалось, терять было нельзя.

— А напишите-ка, Сергей Владимирович, и вы статейку или эссе по этой теме, — предложил я, предвкушая рождение нового, такого же, как и у Галины, интересного произведения...

И вот сейчас мне приятно, что появились два прекрасных эссе, написанных коломенскими писателями Галиной Самусенко и Сергеем Калабухиным о «незначительной» значимой «мелочи» — упоминании Чеховым имени прославленного коломенца Ивана Ивановича Лажечникова.

15–16.11.2014

г. Коломна Московской обл.

Р. С. После публикации этих эссе в Международном литературно-художественном альманахе «Серебряный дождь» № 4 размышления продолжил луховицкий краевед Владимир Когтев. Его статью я тоже привожу далее в этой книге.

Галина Самусенко

Размышление о портрете

Моему другу Денису Минаеву

Сразу хочу предупредить тебя, уважаемый читатель, что строчки, которые ты читаешь в этот момент, ни в коей мере не претендуют на какую-либо научность и не являются, упаси Господи, никаким литературным изысканием. Это всего лишь небольшое размышление на тему двух рассказов Чехова.

Есть у Антона Павловича два коротеньких рассказика, написанные в разные годы, но тем не менее соединённые одной маленькой деталью, а именно — упоминанием портрета моего знаменитого земляка Ивана Ивановича Лажечникова. Почему Антон Павлович вставил эту деталь в свои рассказы, и почему портрет именно Ивана Ивановича Лажечникова, а не какого-нибудь другого известного писателя упоминается в них?

Так давай, друг мой читатель, поразмышляем с тобой на эту тему.

Вот эти два рассказа: «Невидимые миру слёзы», написанный Чеховым в 1884 году и впервые опубликованный 25 августа 1884 года в № 34 журнала «Осколки», и «Неудача», написанный в 1886 году и впервые опубликованный 11 января 1886 года в № 2 того же журнала под названием «Сорвалось!».

Как известно, Антон Павлович Чехов был большим мастером конструирования комических ситуаций. Благодаря этому его рассказы просто искрятся юмором, и, читая их, совершенно невозможно удержаться от смеха. Достигал он комического эффекта самыми разнообразными приёмами, мы не будем рассматривать их все, они много раз описывались специалистами, остановимся только на тех, которые имеют непосредственное отношение к теме нашего размышления.

Итак, открываем рассказ «Неудача»: молодой учитель объясняется в любви девушке, в этот момент её родители, подслушивающие под дверь и мечтающие поскорее сбить своё чадо с рук долой, врываются в комнату с образом в руках, чтобы благословить молодых. Бедный молодой человек понимает, что он погиб. Но, на его счастье, мамаша впопыхах схватила со стены вместо иконы портрет писателя Лажечникова. Родители стоят сконфуженные, учитель бежит.

Смешно? Очень. В чём же комичность ситуации? Как раз – в этом перепутывании. Но как можно перепутать портрет с образом? Нет, конечно, если бы действие происходило в двадцатом веке, этому можно было не удивляться – на стенах квартир советских интеллигентов висели картины с иконами вперемежку, но представить себе, что в девятнадцатом веке в мещанском или купеческом доме светские портреты находились рядом с иконами, просто невозможно. В этом рассказе Чехов являет себя мастером создания правдоподобных ситуаций, заметь, читатель – правдоподобных, а не правдивых. И в этом ему помогает портрет Ивана Ивановича Лажечникова, помещённый фантазией писателя в совершенно неподходящее для него место.

А вот и второй рассказ – «Невидимые миру слёзы». «... Гости сняли калоши и вошли в тёмный зал. Хозяин чиркнул спичкой, навонял серой и осветил стены, украшенные премиями

«Нивы», видами Венеции и портретами писателя Лажечникова и какого-то генерала с очень удивлёнными глазами». И снова в описании интерьера зала присутствует портрет писателя Лажечникова, причём наряду с репродукциями, видами Венеции и портретом безымянного, зато с удивлёнными глазами, генерала.

А затем подвыпившие гости в ожидании позднего ужина, глядя на портреты, заводят разговор: «Гости стояли перед изображением генерала, глядели на его удивлённые глаза и решали вопрос: кто старше – генерал или писатель Лажечников? Двоеточиев держал сторону Лажечникова, напирая на бессмертие, Пружинский же говорил:

– Писатель-то он, положим, хороший, спору нет... и смешно пишет и жалостно, а отправь-ка его на войну, так он там и с ротой не справится; а генералу хоть целый корпус давай, так ничего...»

Абсолютно бессмысленный разговор, пьяный бред, а как смешно... И здесь, и в первом отрывке Чехов применяет приём соединения несоединяемого, или смешения разнородных признаков – портрет какого-то генерала с очень удивлёнными глазами или рассуждение о старшинстве – один напирает на бессмертие, а второй – на умение командовать. В результате получается очень комично.

И снова портрет Ивана Ивановича Лажечникова помогает автору создать комичную ситуацию в рассказе.

Так почему же всё-таки Чехов вставил в свои рассказы портрет именно Ивана Ивановича Лажечникова, а не какого-то другого известного или знаменитого писателя?

Да потому, что в те годы имя «русского Вальтера Скотта» гремело по всей России и было у всех на слуху, его знали и в столицах, и в захолустье, романами Лажечникова зачитывались, и не одна столичная или уездная барышня проливала горькие слёзы над трагической историей любви Воынского и Мариорицы.

Знаменитый критик Виссарион Григорьевич Белинский высоко ценил дарование Лажечникова. После выхода романа «Ледяной дом» он назвал автора «лучшим русским романи-

стом». Александр Сергеевич Пушкин в своём письме к Ивану Ивановичу от третьего ноября 1835 года пишет: «...многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык». Когда в 1858 году в Россию приехал Александр Дюма, он перевёл на французский язык, кроме стихов некоторых русских поэтов, и «Ледяной дом» Лажечникова. Известный литературовед-пушкинист Борис Львович Модзалевский в своей работе «Пушкин и Лажечников», опубликованной в 1925 году, писал: «Лажечников должен считаться родоначальником русского исторического романа; в этом отношении он занимает почётное место в истории нашей словесности, и имя его может быть поставлено наряду с Пушкиным, если последнего считать родоначальником нашего художественного романа. Успех в современном ему образованном обществе романы Лажечникова имели чрезвычайный, по выражению одного критика – жгучий, – и похвала Пушкина, высказанная по адресу романов Лажечникова, не фраза; их долго читали и перечитывали с наслаждением; поэтому прав был Лонгинов (известный библиограф), когда говорил, что имя Лажечникова «не умрёт в летописях нашей литературы, в которые навсегда занесены «Последний Новик», «Ледяной Дом» и «Басурман»».

И неудивительно, что имя генерала на портрете в квартире Ребротёсовых никто не знает, а то, что портрет именно писателя Лажечникова, ни у кого не вызывает сомнения.

Наконец, именно в 1884 году сочинения Ивана Ивановича Лажечникова были переизданы в очередной раз.

Но, наверное, утомила я тебя, мой читатель, своими рассуждениями. Давай-ка лучше перечитаем ещё раз рассказы Антона Павловича Чехова да посмеёмся вместе с ним над незадачливыми его героями.

А что касается моего земляка Ивана Ивановича Лажечникова, то я горжусь тем, что не только жизнь свою положил он на алтарь Просвещения, но и после смерти литературными трудами своими и чеховскими рассказами, пусть даже в образе своего портрета, продолжает служить Её Величеству Русской Литературе.

05.11.2014 г. Коломна Московской обл.

Сергей Калабухин

Портрет Лажечникова

Мы перестали вешать на стены портреты. Смотришь старые советские фильмы, читаешь книги тех времён — на стенах комнат обязательно висят семейные фотографии, портреты вождей и писателей, почётные грамоты, репродукции картин. Позднее их сменили фотографии кинозвёзд и постеры рок-групп. Сейчас исчезают со стен квартир не только портреты классиков литературы и фотографии предков. Сами стены уже не видны за коврами, стенками, шкафами и прочей мебелью. Только за стёклами книжных полок можно увидеть небольшие фотографии Сергея Есенина, Владимира Высоцкого или ещё какой знаменитости. А когда интернет-библиотеки и электронные книги окончательно вытеснят бумажные издания, портреты поэтов и писателей исчезнут и с этих «витрин». Видимо, последним их прибежищем останутся стены музеев, немногих оставшихся библиотек и школьных классов литературы. Наши потомки перестанут узнавать писателей в лицо, даже классиков, так как их портреты не будут ежедневно попадаться им на глаза. И люди станут чуточку беднее в культурном плане, чем их «тёмные» предки. Мы сами уже стали беднее! Сейчас объясню, почему я так думаю.

Возьмём, к примеру, Антона Павловича Чехова, творчество которого некоторые исследователи называют энциклопедией русской жизни. Чехов проехал всю Россию из конца в конец, аж до самого Сахалина, побывал во многих мужицких избах, мещанских домах и дворянских усадьбах. И что интересно — на стенах везде висели не только иконы, но и портреты царей, генералов, общественных деятелей и известных писателей! И, конечно, мы вправе предположить, что и у самого Чехова дома тоже висели на стене чьи-нибудь портреты. С большой долей вероятности я даже могу назвать имя Ивана Ивановича Лажечникова, моего земляка, коломенца, первого русского романиста, которого современники называли «русским Вальтером Скоттом». Откуда у меня такая уверенность? Представьте себя на месте Чехова: вы пишете рассказ, в котором

по сюжету присутствует висящий на стене портрет писателя. Будете ломать голову, чьё имя назвать, или просто бросите взгляд на стены собственной комнаты? Если перед вами портрет Александра Пушкина, вряд ли вы напишете о Михаиле Лермонтове. Да, это всего лишь предположение. Но есть и материальное доказательство. Вот отрывок из путевых заметок Чехова «Из Сибири»:

«Часов в пять утра, после морозной ночи и утомительной езды, я сижу в избе вольного ямщика, в горнице, и пью чай...

От образа в углу тянутся по обе стороны лубочные картины; тут портрет государя, непременно в нескольких экземплярах, Георгий Победоносец, «Европейские государи», среди которых очутился почему-то и шах персидский, затем изображения святых с латинскими и немецкими подписями, поясной портрет Баттенберга, Скобелева, опять святые...»

А вот описание комнаты трактира, предназначенной для проезжающих, в рассказе Чехова «На пути»:

«...над столом, кладя красное пятно на образ Георгия Победоносца, теплилась лампадка. Соблюдая самую строгую и осторожную постепенность в переходе от божественного к светскому, от образа, по обе стороны угла, тянулся ряд лубочных картин. При тусклом свете огарка и красной лампадки картины представляли из себя одну сплошную полосу, покрытую чёрными кляксами... и можно было видеть, как над головой спавшего мужчины вырастали то старец Серафим, то шах Наср-Эддин, то жирный коричневый младенец, таращивший глаза и шептавший что-то на ухо девице с необыкновенно тупым и равнодушным лицом...»

Как видим, Чехов в рассказе почти с документальной точностью описывает реальную обстановку комнаты для проезжающих. Образы святых, картины, портреты.

Вот ещё один отрывок. Рассказ Чехова «Мужики»:

«В избе было чисто, все стены пестрели от картин, вырезанных из журналов, и на самом видном месте около икон висел портрет Баттенберга, бывшего болгарского князя».

Тут стена тоже пестрит от икон и картин. Чехов увидел в реальной жизни на стене в мужицкой избе среди прочих портрет

Баттенберга и вставил его в рассказ. Не стал заменять болгарского князя русским.

А портрет Ивана Ивановича Лажечникова упоминается по крайней мере в двух рассказах Чехова! Не думаю, что это случайное совпадение. Следовательно, этот портрет либо неоднократно встречался писателю в чужих домах, либо висел в его собственной комнате, а может, было и то, и другое.

Рассмотрим эти рассказы. Первый из них называется «Неудача». Сюжет его прост: Илья Сергеевич Пеплов и жена его Клеопатра Петровна, стоя за дверью, подслушивают разговор своей дочери Наташеньки и учителя уездного училища Щупкина. Они ждут благоприятного момента, чтобы ворваться в комнату с иконой в руках и тем самым заставить Щупкина жениться на Наташеньке. Ведь после благословения образом потенциальный жених не сможет отвертеться от свадьбы. И вот такой момент наступает — Щупкин добивается у Наташеньки разрешения поцеловать ей ручку. Далее происходит следующее:

«И, не медля ни секунды, Пеплов распахнул дверь.

— Дети... — забормотал он, воздевая руки и слезливо мигая глазами. — Господь вас благословит, дети мои... Живите... плодитесь... размножайтесь...

— И... и я благословляю... — проговорила мамаша, плача от счастья. — Будьте счастливы, дорогие! О, вы отнимаете у меня единственное сокровище! — обратилась она к Щупкину. — Любите же мою дочь, жалейте её...

Щупкин разинул рот от изумления и испуга. Приступ родителей был так внезапен и смел, что он не мог выговорить ни одного слова.

«Попался! Окрутили! — подумал он, млея от ужаса. — Крышка теперь тебе, брат! Не выскочишь!»

И он покорно подставил свою голову, как бы желая сказать: «Берите, я побеждён!»

— Бла... благословляю... — продолжал папаша и тоже заплакал. — Наташенька, дочь моя... становись рядом... Петровна, давай образ...

Но тут родитель вдруг перестал плакать, и лицо у него перекосило от гнева.

– Тумба! – сердито сказал он жене. – Голова твоя глупая! Да нешто это образ?

– Ах, батюшки-светы!

Что случилось? Учитель чистописания несмело поднял глаза и увидел, что он спасён: мамаша впопыхах сняла со стены вместо образа портрет писателя Лажечникова. Старик Пеплов и его супруга Клеопатра Петровна, с портретом в руках, стояли сконфуженные, не зная, что им делать и что говорить. Учитель чистописания воспользовался смятением и бежал».

Известный социолог, публицист и литературный критик Николай Константинович Михайловский в своей статье «Кое-что о г-не Чехове» писал:

«Сотни раз в наших юмористических газетах фигурировали родители, «накрывающие» таким способом жениха (способ этот эксплуатировался отчасти и гр. Толстым в «Войне и мире»: этим способом князь Василий Курагин преодолевает нерешительность Пьера Безухова). Но г-н Чехов ввёл в эту избитую тему новый, оригинальный, смехотворный эффект: портрет Лажечникова вместо образа. Эффект совершенно неправдоподобный, хотя бы уже потому, что образа у нас вешаются совсем не там, где может висеть портрет Лажечникова; но эта маленькая несообразность не только не мешает читателю смеяться, а ещё подбавляет весёлого настроения...»

Конечно, Николай Михайловский, как и все мы, судил в данном случае по себе и людям своего круга. В больших столичных домах комнат больше, и стены их гораздо обширнее. В них есть места, где можно отдельно разместить иконостас и картины. Не то что в мешанских квартирах захолустных уездных городов и уж тем более в крестьянских избах. В вышеприведённой цитате из путевых заметок Чехова прямо написано, что в комнате ямщика образы святых висели на стене вперемежку с портретами. Но даже если согласиться с Михайловским, то упрекать Чехова в недостоверности ситуации всё же не стоит. У анекдота и сатиры – своя специфика. Тут достоверность зачастую уступает место юмору. Можно вспомнить, например, миниатюру Михаила Зощенко «Доброе утро», вошедшую в репертуар Аркадия Райкина.

В ней изображён начальник, воюющий с утренними опозданиями на работу сотрудников учреждения. Причём оказывается, что сам этот начальник, боясь опоздать, в спешке пришёл на работу в пиджаке и туфлях жены! Всем нам понятно, что спутать мужские вещи с женскими практически невозможно, но публика в зале «не замечает» подобную несуразность и весело хохочет над недотёпой-начальником, блистательно сыгранным Аркадием Райкиным.

Второй рассказ Чехова, в котором фигурирует портрет Лажечникова, называется «Невидимые миру слёзы». Сюжет его в данном случае не важен. Сразу перейду к интересующей меня теме — портрету Лажечникова. Итак, дело происходит, как пишет Чехов, «в нашем вонючем Червянке», то есть — в глубоком захолустье. Поздно ночью из местного клуба выходит подвыпившая компания, состоящая из местного воинского начальника подполковника Ребротёсова, инспектора духовного училища Двоеточиева и помощника исправника Пружина-Пружинского. Как это часто у нас бывает, друзьям «не хватило», а все соответствующие заведения давно закрыты. И вот подполковник приглашает всех к себе, чтобы ещё немного выпить и закусить из его домашних запасов.

«Гости сняли калоши и вошли в тёмный зал. Хозяин чиркнул спичкой, навонял серой и осветил стены, украшенные премиями «Нивы», видами Венеции и портретами писателя Лажечникова и какого-то генерала с очень удивлёнными глазами».

Икон, как видим, на данной стене нет, но и соль данного рассказа в ином. Пока Ребротёсов разбирался с недовольной поздним застольем женой, его друзья разглядывали портреты.

«Гости стояли перед изображением генерала, глядели на его удивлённые глаза и решали вопрос: кто старше — генерал или писатель Лажечников? Двоеточиев держал сторону Лажечникова, напирая на бессмертие, Пружинский же говорил:

— Писатель-то он, положим, хороший, спору нет... и смешно пишет и жалостно, а отправь-ка его на войну, так он там и с ротой не справится; а генералу хоть целый корпус давай, так ничего...»

Удивительно то, что в каком-то «вонючем Червянске» не только читали книги Ивана Лажечникова, но и сразу же узнали писателя по портрету! В отличие от генерала, чьего имени ни автор, ни персонажи рассказа ни разу не называют. И хоть генерал, конечно, лучше управится с ротой или корпусом, но вот бессмертие – отдано писателю Ивану Ивановичу Лажечникову! И мне тем более приятно, что имеющий мировое признание классик русской литературы Антон Павлович Чехов, очевидно, не только читал романы Лажечникова, но и признавал за ними литературное бессмертие! А ведь никто не мешал Чехову вместо Лажечникова назвать имя Пушкина, Лермонтова или Достоевского, портреты которых наверняка были более распространены и известны читателям того времени.

Кроме упомянутых в рассказах портретов, есть ещё одна ниточка, связавшая Чехова с Лажечниковым. Сохранилось письмо Е.Ф. Висса, председателя правления Коломенской общественной библиотеки имени И.И. Лажечникова, и А. Хабарова, секретаря, от 23 декабря 1898 года к А.П. Чехову:

«С января 1899 года открывается в г. Коломне общественная библиотека в память писателя И.И. Лажечникова, уроженца г. Коломны. Как большинство русских общественных библиотек, Коломенская учреждается исключительно на частные пожертвования <...> не найдёте ли Вы возможным в столь трудное для библиотеки время пожертвованием своих трудов помочь возникновению такого учреждения, которое по существу своему, с одной стороны, имеет важное просветительное значение, а с другой – является достойным памятником того работника на ниве русской литературы, с именем которого связано нарождающееся учреждение».

1 января 1899 года А.П. Чехов написал в письме к своему другу, жившему в селе Троицкие Борки (ныне: Луховицкий район, недалеко от Коломны), писателю Петру Алексеевичу Сергеенко:

«...у меня нет ни одной книги, вместо книг посылаю записки. Получи и отправь в Коломенскую библиотеку, а книжку с автографом вышлю как-нибудь после».

Упомянутые записки были адресованы в книжный мага-

зин «Нового времени». К сожалению, сейчас ни одной книги с автографом Чехова в коломенских библиотеках нет.

Книги Ивана Лажечникова есть и на полках коломенских магазинов, и в библиотеках, но вот многие ли их читали? Все ли читатели узнают автора по портрету? А ведь речь не о каком-то «вонючем Червянке», а о родине писателя — подмосковной Коломне! Вот почему мне кажется, что исчезновение со стен портретов нас обедняет. Иконы во многих домах уже вновь заняли своё место в красном углу, может, и портреты когда-нибудь вернуться? Пусть в виде какого-нибудь суперсовременного 3D-панно, но всё же вернуться?

Ноябрь 2014 г.
г. Коломна Московской обл.

Владимир Когтев

***Верблюд оказался «умным»,
а Чехов — оригинальным***

*(Ещё раз о портрете И.И. Лажечникова
в произведениях А.П. Чехова)*

При прочтении двух эссе коломенских авторов — «Размышление о портрете» Галины Самусенко и «Портрет Лажечникова» Сергея Калабухина — закономерно возник вопрос: действительно, с чего это вдруг А.П. Чехов в своих рассказах «Невидимые миру слёзы» и «Неудача» («Сорвалось!») упомянул портрет И.И. Лажечникова? Ответы, которые дают на этот факт авторы эссе, вполне убедительны.<...>

Но давайте ещё раз заглянем в собрание сочинений Антона Павловича Чехова (лучше — в полное, академическое, где есть подробные, выверенные комментарии и указатели).

В именном указателе к «Полному собранию сочинений и писем А.П. Чехова в 30 томах» к фамилии «Лажечников» мы находим ссылки не только на вышеназванные рассказы, но и на публицистический (скорее же — журналистский) цикл А.П. Чехова «Осколки московской жизни» (см.: Чехов А.П. ПСС. Т. 16. — М.: Наука, 1979. — С. 76–77), в которых под

№ 16 / 4 февраля 1884 года читаем следующее: «...На днях на маскарade в Большом театре, где на этот раз был сооружён «для фантазии» Ледяной дом (по роману Лажечникова), случился скандал, ясно говорящий за ум животных. Ледяной дом вышел бы великолепен и доставил бы публике истинное наслаждение, если бы верблюд, приведённый в театр для вящей картинности, не вздумал либеральничать: он во время танцев повалился на землю и взревел. Этим рёвом он хотел воззвать к справедливости, к тем, кому ведать надлежит...» (прерываем цитирование, так как дальнейший чеховский текст к Лажечникову никакого отношения не имеет).

Из комментариев к тексту «Осколков московской жизни» (Чехов А.П. ПСС. Т. 16. – М.: Наука, 1979. – С. 412, 446–447) мы узнаём, что цикл фельетонов был заказан Чехову редактором журнала «Осколки» Н.А. Лейкиным в 1883 году, и публиковались эти фельетоны (а часто – и просто иронические корреспонденции) со 2 июля 1883 года по 12 октября 1885 года. В этом же журнале и в то же время были опубликованы и рассказы Чехова «с портретами Лажечникова» (правда, второй – «Неудача» – на год позже всего цикла, в 1886 году).

Теперь представим: посетивший 22 января 1884 года «неудачное» представление по «Ледяному дому» Лажечникова Антон Павлович Чехов («Антоша Чехонте»), конечно же, засёк (как журналист) фамилию известного исторического романиста и... мог увидеть портрет автора произведения, по которому представление и представлялось. Ведь и тогда (в XIX веке), и в более позднее время такие «именные» представления часто обставлялись особым антуражем: портретами в фойе, иллюстрациями, репродукциями и т. п. Тем более – это был маскарад, т. е. представление увеселительное, с придумками и загадками, и... с верблюдом (в данном случае, но только один раз, в других представлениях верблюда не задействовали). Кстати, об этом представлении писал не только А.П. Чехов в «Осколках», но и «Русские ведомости», и «Новости дня».

Для нас же остаётся загадкой: какой именно портрет И.И. Лажечникова устроители маскарада в Большом театре использовали (могли использовать) для антуража? Но оставим

этот вопрос для размышлений и разысканий коломенских авторов – истинных знатоков и поклонников своего знаменитого земляка.

Эссе Сергея Калабухина побуждает найти ответ ещё на один вопрос: какие записки передал Антон Павлович Чехов в «общественную библиотеку в память писателя И.И. Лажечникова» в 1899 году через своего друга писателя Петра Алексеевича Сергеенко, жившего тогда в с. Троицкие Борки нынешнего Луховицкого района, где чуть было не поселился сам Чехов (об этом свидетельствуют коломенский писатель В. Ярхо и зарайский краевед Г. Боголюбская)? О чём эти записки? И где они? Повод искать у коломенцев есть.

В конце заметим, что Антон Павлович Чехов, обладавший, как журналист, цепким взглядом и, как писатель, оригинальным воображением, сумел вроде бы ничего не значащий репортёрский «фактик» использовать в качестве художественного приёма «с портретом» в своих рассказах.

*Январь 2016 г.
г. Луховицы Московской обл.*

Немного о себе

Данная статья написана мной по настоянию коломенского краеведа Александра Евгеньевича Денисова. Я долго противился, так как о ком-либо написать проще, чем выставлять себя напоказ. И всё же Александр меня склонил к пониманию того, что, раз я тружусь и пишу в городе Коломне, то и рассказать о себе читателям-коломенцам надо, хотя бы немного. Сначала я написал первую часть статьи – Автобиографию. Прочитав её, я понял, что даже добавление коротких указаний творческих успехов – в каких изданиях и когда были опубликованы мои творения – нисколько не скрасят скупые данные моей биографии, а поэтому решил-таки прислушаться к Денисову и написать коротенькие воспоминания, как именно и почему я пришёл к литературной и издательской деятельности. В результате получилось то, что получилось и с чем я предлагаю вам, дорогие читатели, бегло пробежав взглядом, ознакомиться.

Часть 1. Автобиография

Родился я в рабочей семье Виктора Михайловича и Надежды Васильевны 19 июля 1977 года, в городе Ташкенте бывшей тогда Узбекской Советской Социалистической Республики.

Отец, к сожалению, не дожив до 44 лет, умер, оставив меня, 16-летнего подростка, вдвоём с матерью. Окончив школу в 1994 году, я поступил на вечернее отделение Ташкентского Авиационного техникума и пошёл на завод учеником слесаря. Надо было работать, так как в лихие девяностые матери одной было очень тяжело растить здорового уже лба.

На втором году учёбы я был призван в армию. Служил в батальоне связи авиационного полка, недалеко от города Карши. Когда отслужил срочную, меня пригласили на службу по обеспечению безопасности ташкентского метрополитена. Через год перевели в подразделение по обеспечению безопасности передвижения Президента Республики Узбекистан.

К тому времени я уже женился и в нашей семье появился первенец – Сергей.

После распада СССР мой родной город постепенно стал, к сожалению, чужим. И, несмотря на возможные перспективы по службе, задумавшись о будущем своего ребёнка, мы с семьёй всё же решили перебраться на исконную родину, в Россию. В 2001 году переехали в Шацкий район Рязанской области, в село Чёрная Слобода, что в 40 километрах от места рождения моего отца.

Переезд из благоустроенной квартиры в столице (г. Ташкент – столица Узбекистана) в небольшой сельский дом без удобств стал для меня и моих родных большим испытанием. Но одновременно и огромным стимулом к продвижению вперёд, в лучшее...

Есть у меня такие строчки:

*Я по жизни, словно странник,
Заблудился, но иду.
То я пекарь, то – охранник,
То – работы не найду...*

Именно так, работая в различных местах множества городов, я постепенно добрался до подмосковных Луховиц, где в 2006 году купил квартиру (в пригороде) и стал работать водителем автобуса Луховицкого ПАТП.

Мама, повстречав хорошего человека Владимира, осталась в Рязанской области, где и живёт по сей день. Трудности сельской жизни, как оказалось, нисколько её не испугали. А даже наоборот: климат, природа, своё хозяйство, сад, огород, как мне кажется, доставляют ей неподдельное удовольствие, чему я очень рад.

В 2007 году в нашей семье появился второй сын Иван.

Долгие годы испытаний и бесконечных переездов не смогли сохранить первый брак. Он распался к концу 2011-го.

Мне пришлось начинать всё с самого начала. И я начал...

Сегодня у меня вторая семья. Родился третий сын Богдан. Я пришёл к своему любимому делу – издательству. Под новый 2015-й год мы приобрели квартиру в Коломне и теперь стали называться коломенцами...

Часть 2. Если можешь не писать — не пиши

За всеми этими воспоминаниями я как-то совсем не упомянул о творчестве — о своём пристрастии к стихосложению. Что ж, исправляюсь...

Любовь к чтению привила мне моя мама. Она по три-четыре раза перечитала все книги из нашей домашней библиотеки. А книг у нас было, я вам скажу, очень немало. Помнится, как в 80-е трудно было достать какое-либо новое издание. В Ташкенте существовала целая система, когда ты должен был сдать энное количество макулатуры и получить талон на приобретение книжных новинок в магазине. Оглядываясь назад и одновременно смотря на сегодняшнюю ситуацию с литературой, я где-то даже начинаю скучать по слову «дефицит», которое в то время так высоко держало ценность книги — ценность бумажного издания. Может быть, отчасти и поэтому в те 80-е годы книга представлялась мне чем-то бóльшим, намного бóльшим, нежели просто типографской продукцией. А люди, написавшие книги, в моём сознании рисовались подобием чего-то загадочного, недостижимого, некими божествами.

Как и многие дети, я мечтал. Самой большой моей мечтой было стать писателем, стать таким же «сверхчеловеком», который написал КНИГУ. И я стал двигаться к своей мечте. Начал сочинять рассказы, писать романы, рифмовать слова и складывать свои первые стихи. Причём оформлял их в виде самодельных книжечек, сшивая сложенные листы в брошюрки.

Помню свою гордость, когда на уроках литературы учитель Римма Евгеньевна вызывала меня к доске с моей «книжкой» и я всему классу читал новые произведения. Ах, какой это был стимул к развитию творчества!

Иногда, подчеркиваю — иногда, в любимое дело приходят и первые разочарования... Частенько получая хвалебные отзывы учителей и одноклассников о своих произведениях, я осмелел и отправил пару своих, как мне казалось, шедевров в редакцию газеты «Пионерская правда». Быть напечатанным в серьёзном издании всегда привлекало — и мне очень этого хотелось. Но, увы и ах, я получил, конечно же, вежливый, ко-

нечно же, насыщенный наставлениями и советами знающих людей из газеты, но от этого не менее обидный для ребёнка 11 лет, отказ... Неокрепший характер не смог вынести обиды, и самокритика сделала своё дело: я напрочь забросил писать. 1988 год стал концом моих литературных изысканий. Так мне казалось. По крайней мере, все свои труды я уничтожил...

Как сказал однажды один мудрый человек: «Если можешь не писать — не пиши». Я, наверное, не совсем мог НЕ писать. И спустя несколько лет, с большими перерывами, из-под моего пера всё же вырвались несколько стихотворений.

Почти через 10 лет, в 1996 году, будучи солдатом, я вместе со своим сослуживцем Сашей Горбаченко был отправлен на конкурс солдатской песни. Специально для этого состязания я написал стихотворение «Служба» и подобрал мотив на гитаре. «Брынчать» на этом музыкальном инструменте я немного научился незадолго до армии. В результате мы с Сашей выступили со своими песнями и заняли первое командное место. За что командир батальона выписал нам по 12 суток отпуска домой. Вот такая польза от творчества...

В 1997 году я написал второе своё стихотворение — «Берёза», под впечатлением от старой известной песни, где берёза пыталась перебраться поближе к возлюбленному — дубу, — но ей было суждено «век одной качаться».

А в 1999 году моя первая жена была в положении, и в душевном порыве я написал стихотворение «Моя родная», которое, — далеко не совершенное в техническом смысле, — до сих пор вызывает добрые (иногда восторженные) отклики читателей и слушателей.

И всё же в литературу, к творчеству, я возвращаться не собирался, пока... Пока не переехал в Россию в 2001 году.

Как я говорил выше, переезд в рязанское село стал большим потрясением для меня — горожанина, разбалованного удобствами цивилизации. Какая-то придавленность и скука окрашивали дни в серые, неприглядные цвета. И однажды в начале 2002 года в газете «Комсомольская правда в Рязани» я наткнулся на фотоконкурс «Сам себе репортёр». Суть конкурса была такой: необходимо прислать фотографию с небольшой

оригинальной подписью. Порывшись в своём фотоальбоме, я нашёл снимок, сделанный ещё в Ташкенте, незадолго до переезда, во время крещения моего годовалого сына Сергея (да-да, в Ташкенте, в мусульманском городе мусульманской страны есть и поныне православные храмы). Помню, как я предложил крёстному отцу взять на руки Серёжу и поднять его над головой на вытянутых руках. Я поймал в объектив сына и повернулся так, что рядом с мальчиком виднелись купола церкви. Вот эту фотографию с подписью «Ангел во плоти» я и послал в «Комсомолку». И, о чудо, её напечатали. И более того, я выиграл этот конкурс, и меня пригласили в редакцию за получением приза. Несмотря на расстояние в 180 километров до города Рязани, я всё же поехал в редакцию. Получил там небольшой приз, что-то в виде альбома и книги, но более того – был поражён приглашением работать фотокорреспондентом этой газеты. К сожалению, ввиду дальности места проживания мне пришлось отказаться, хотя очень и очень хотелось попасть в эту атмосферу творческой работы.

Вот тут, наверное, всё и началось. Вернее, начался некий этап возрождения Дениса Минаева как творческой личности.

Приехав домой, я увидел свет в тоннеле будничной серости, слабый огонёк своей детской мечты. И, взяв в охапку два из трёх написанных мной произведения, отправился в редакцию местной районки. Представился и показал главному редактору свои стихи. Через три дня после моего 25-летия в районной газете «На земле Шацкой» я с нескрываемым волнением и радостью читал стихотворения «Моя родная» и «Берёза», которые к тому же украшала моя улыбающаяся фотография.

Наконец-то сбылась моя детская мечта – быть напечатанным в серьёзном издании. Пусть не книга, пусть газета, но тиражом около 3000 экземпляров моя улыбающаяся рожица и мои стихи глядели на читателя со страниц районки. Односельчане, мало ещё знавшие нас, приезжих, останавливали мою маму или меня и с интересом расспрашивали о моём творчестве, хвалили стихи и желали дальнейших успехов.

История повторяется. Всё развивается по спирали. Я вновь, как и в школьные годы, получил колоссальный стимул к развитию творчества. Я вернулся к писательству. Я родился в стихах вновь. Я начал понемногу писать, сочинять, фотографировать. Всё это нёс в газету и в очередной раз радовался новым публикациям...

Ссылаясь на первую часть воспоминаний, напомним, что из села мы с женой и ребёнком стремились вырваться поближе к городским условиям, а поэтому пытались что-то предпринять и в области зарабатывания денег. В общем, открыли небольшое своё дело — торговали одеждой в палатке. Периодически выезжали на ярмарки в другие районы Рязанской области на приобретённом мной «Запорожце». И каждый раз, приезжая в Кадомский или Пителинский, Сасовский или Ермишинский районы, я ставил на рынке сборную палатку, помогал жене разложить товар и, оставив её торговать, бежал в редакцию газеты нового района. Нёс новые произведения и, к радости, в следующий приезд получал на руки номер с моими стихами. Потом я стал завсегдаем нескольких районных газет Рязанщины.

К новому 2003 году мы с семьёй перебрались в город Сасово, что там же, в Рязанской области. Сняли домик и стали жить. Я работал пекарем, а в выходные продолжал разъезжать с женой по районам с «бизнесом», и публиковался, публиковался, публиковался. Подшивка газет наполнялась всё новыми и новыми номерами и изданиями.

19 января 2003 года было морозно. Крещенские морозы в полной силе. Однако это не помешало мне с дюжиной пустых пластиковых бутылок направиться в церковь за святой водой. Набрал воды, я вышел из ворот храма и даже не сразу обратил внимание на идущую навстречу пару — мужчину лет шестидесяти и женщину лет на 10–15 моложе.

— Димка Минаев? — останавливает меня вдруг мужчина и протягивает руку для рукопожатия.

— Денис я, ну да, Минаев, — поправляю я незнакомца и с почтением пожимаю его руку в приветствии.

– Денис... – повторяет незнакомец и произносит, как бы уточняя, не ошибся ли он. – В газете «Призыв из Сасова» твои стихи?

– Мои, – с радостью, что меня узнали, заявляю я.

– Поэт, значит?

Такое звание, как «Поэт», я к себе ещё не примерял, а поэтому решил отшутиться:

– Пописываю... – с улыбкой выдаю я.

– А я Витька Волков. Поэт. Что ж, хорошие у тебя стихи. Есть изюминка. Только надо бы над ними хорошенько поработать, – резюмирует собеседник.

Я его благодарю, и моя радость и некое недоумение направляют мои ноги шагать дальше в противоположную от поэта Волкова и его спутницы сторону. Но через три-четыре шага я прихожу в себя, разворачиваюсь, догоняю уходящих и оставившаяся их вопросом к мужчине:

– Извините, пожалуйста, а у вас книги есть?

– Есть. Четыре, – улыбается поэт...

В общем, так я познакомился с поэтом из города Сасова, членом Союза журналистов СССР, бывшим главным редактором газеты «Наш Избербаш» (издание города Избербаш в Дагестане, где он много лет прожил), Виктором Матвеевичем Волковым, который и стал первым поэтом, чьи книги с автографами появились в моей библиотеке. А что самое главное, он стал моим творческим наставником и учителем в поэзии.

Вспоминая свои представления об авторах книг как о неких «божествах», я убедился в том, что авторы, конечно же, совсем земные, нормальные люди, но удивительно интересные, талантливые и мудрые.

Благодаря УЧИТЕЛЮ я совершил очередной шаг к своей детской мечте – быть напечатанным в книге. К концу 2003 года в Сасово вышел коллективный сборник «Цна», который стал первой КНИГОЙ с опубликованными моими стихотворениями. И помог мне с публикацией мой дорогой учитель Виктор Волков.

К моему огромному сожалению, Виктор Матвеевич ушёл от нас 31 декабря 2014 года. Я буду всегда помнить и любить это-

го бесконечно доброго, отзывчивого и талантливое человека. Спасибо ему за всё. В память о нём в нашем издательстве в 2015 году вышла книга стихов Волкова «Непокорённая высота», которая стала данью памяти учителю от благодарного ученика...

А потом, с середины 2003 по 2008 годы, было опять творческое затишье. Я подался на заработки в Москву. Трудиться приходилось много, да и столица показывала свои зубы и кулаки. Но, несмотря на всё, в 2006 году (повторюсь) мы смогли купить квартиру в пригороде Луховиц, в селе Матыра. А в 2008-м я оставил Москву и, отучившись в автошколе, пошёл работать водителем автобуса.

Желание творить вернулось вновь, и я сочинял стихи за рулём автобуса, наговаривая пришедшие строки на диктофон мобильного телефона, стоя на остановке или на конечном пункте маршрута.

23 июня 2009 года помню, как сегодня. Именно в этот солнечный летний день я получил на руки небольшой тираж в сто экземпляров своего первого авторского сборника «Моя родная», который посвятил маме, первой супруге и своему литературному наставнику. НАКОНЕЦ-ТО моя детская мечта осуществилась в полной мере. Я стал АВТОРОМ КНИГИ, чему был несказанно рад...

Испытывая постоянную тягу к общению с творческими людьми, я начал искать таких в Луховицах. И вскоре перезнакомился со всеми пишущими литераторами этого города. А особенно сдружился с Сергеем Николаевичем Кулешовым, талантливым парнем — поэтом, бардом, — и Владимиром Викторовичем Когтевым — интереснейшим краеведом.

Благодаря Сергею появились первые песни на мои стихи (опыт армейской песни я не считаю, там всё было на уровне дворовых мотивов на трёх аккордах).

А вот роль Владимира Когтева, считаю, стала основополагающей в моей жизни как издателя. В небольшом городе на Рязанщине Новомичуринске мои знакомые писатели выпустили коллективный сборник авторов-земляков. Я загорелся идеей

выпустить такой же литературный сборник авторов Астаповского сельского поселения Луховицкого района Московской области, где я жил на тот момент в селе Матыра (село входит в состав вышеназванного поселения). Тем более что этот труд должен войти в историю как ПЕРВЫЙ подобный сборник в поселении. Но Когтев предложил расширить тематику книги и включить в неё исторические и краеведческие материалы. И даже вызвался помочь в этом нелёгком (как я понял позже), но интересном проекте. И мы взялись за дело. Начали с визита к Главе поселения Сергею Владимировичу Маршеву, который нас поддержал и помог в издании.

В итоге в январе 2011 года в Астаповском сельском поселении появилась книга «Осетровье», составителями которой выступили В.В. Когтев и Д.В. Минаев...

Эта работа – работа составителя сборника – меня, можно сказать, «заразила» своей незаурядностью и интересностью. Заразила так, что я решил продолжить эту деятельность. Но уже самостоятельно, так как «Осетровье-2» в ближайшем будущем не намечалось, а загружать Владимира Когтева работой с прозой и поэзией я как-то не решился.

К тому времени я уже зарегистрировался на многих литературных порталах в Интернете, где обзавёлся знакомыми, хорошо пишущими авторами, со всего света. Зная по собственному опыту, что издателям стихи, в принципе, не нужны, если авторы не широко известные поэты, и публикаций своих творений добиться очень сложно, почти невозможно, так как бесплатно никто стихи не печатает, а цены в различных коммерческих изданиях, мягко говоря, не устраивают, я решился предложить своим многочисленным знакомым по Интернету создать сборник своих стихов самостоятельно. Да, за свои кровные, но, так сказать, по себестоимости – вскладчину. Вызвался организовать и издать такой сборник на общественных началах.

Опуская описание работы над этим проектом, скептические и даже негативные отзывы в свой адрес, скажу лишь то, что в конце 2011 года более 50 авторов получили свои экземпляры нового сборника любовной лирики «Акварели любви», который украсили их произведения.

Потом вышел ещё один сборник, позже – ещё один. Ещё, и ещё, и ещё...

Как раз в одну из очередных книг я пригласил поучаствовать московского поэта Сергея Сергеевича Антипова, с которым познакомился на одном из литературных порталов. Он с удовольствием отозвался. А позже принял участие и ещё в нескольких изданиях, где я был составителем. Со всеми авторами я старался наладить более тесное общение, которое не ограничивалось Интернетом, а перерастало в разговоры по телефону и даже личные встречи. Точно так же было и с Сергеем Антиповым. Мы познакомились с ним поближе в телефонных разговорах, нашли общие интересы и предпочтения в различных жизненных вопросах.

И вот как-то раз в одном из телефонных разговоров он задаёт мне (как выяснилось позже – провокационный) вопрос: а для чего я, собственно, занимаюсь составлением книг, тем более что материальной прибыли мне лично это никакой не приносит. Я рассказал ему примерно то же, что сейчас во второй части данной статьи прочитали вы, дорогой читатель, но сделал акцент именно на том, что ни одному издательству, к сожалению, ПУБЛИКАЦИЯ наших стихов не интересна. И я просто решил помочь пишущим людям донести своё творчество до читателей. Сергей Сергеевич как человек невероятно отзывчивый и бескорыстный предложил свою помощь. Причём объяснил, как можно минимизировать затраты на издание книги, тем самым дать возможность ещё большему количеству людей увидеть свои произведения напечатанными.

25 ноября 2012 года. Сергей Антипов впервые у меня в гостях в Коломне, где я со своей девушкой Настей снимал квартиру. Мы погуляли по Кремлю, заглянули на фабрику пастилы, а потом поехали в кафе выпить кофе и слегка перекусить. И вот в этом самом кафе у нас и родилась идея создать СВОЁ издательство, основной задачей которого мы видели различную ПОМОЩЬ авторам.

Спустя четыре месяца на свет появился Издательский Дом «Серебро Слов». Почти одновременно с рождением

издательства мы с Сергеем организовали Программу поддержки талантливых авторов «Восхождение». На сегодня по этой Программе уже выпущено более 30 книг поэзии, прозы и краеведения совершенно бесплатно для авторов. Мы открыли сайт издательства, tvoyakniga.ru, причём сделали его в виде портала для общения, где каждый автор имеет возможность показать свои творения, получить отзывы и как раз стать участником нашей Программы поддержки. В издательстве образовалась очень профессиональная редакционная коллегия, состоящая из известных современных писателей. Назову лишь некоторые имена: Председатель Правления Московской областной организации Союза писателей России (МОО СПР), заслуженный работник культуры РФ Лев Константинович Котюков; секретари Правления этой же организации Игорь Витюк, Леонид Дудин, Эдуард Хандюков; Президент Союза литераторов Европы Михаил Пластов; недавно дал своё согласие нам помогать Первый заместитель Председателя Союза писателей России Геннадий Иванов; и многие другие. Да и сам Сергей Антипов оказался (что я узнал не сразу) тоже Секретарём Правления Московской областной организации Союза писателей России*.

Немногим позднее в Краснодаре образовалось новое объединение под эгидой МОО СПР и нашего издательства. Светлана Донченко, талантливая поэтесса, стала руководителем этого Южно-Российского творческого объединения «Серебро Слов», первую годовщину которого мы праздновали в сентябре 2015 года.

В мае 2015 года стартовал ещё один большой проект, организаторами которого выступили мы с Сергеем, а также упомянутый уже мной луховичанин Сергей Кулешов. Это интернет-радио «Серебро Слов», на котором круглосуточно звучат песни, стихи, повести и рассказы наших авторов, плюс периодические эфиры радуют слушателей интервью с «сереброслов-

---

* С 2016 года С.С. Антипов и И.Е. Витюк стали заместителями Председателя Правления Московской областной организации Союза писателей России.

цами». В октябре 2015 года в подмосковной Кашире прошёл первый гала-концерт авторов нашего радио. Грандиозное событие, которое, уверен, останется надолго в памяти зрителей и участников. В декабре этого же года такое мероприятие состоялось в городе Коломне. А за неделю до коломенского концерта мы узнали, что стали лауреатами III степени губернаторской премии «Наше Подмосковье», как раз за наш проект – интернет-радио «Серебро Слов».

И это далеко не все организованные Сергеем Антиповым, мной и нашими сподвижниками проекты. Я не упомянул газеты, которые мы стараемся выпускать, альманахи, музыкальные диски и прочее, и прочее*...

Знаю, вскоре мы порадуем всех ещё какими-нибудь новыми проектами, потому как мы выбрали верный путь созидания и добра, взаимопомощи и бескорыстия.

Жизнь продолжается. И продолжается насыщенно, красочно и увлекательно. И рядом любимый человек, моя Настя. И дети здоровы. И мама в порядке. И друзья – именно друзья. И дело – любимое. А это всё – и есть счастье.

28–29.10.2015, 02.02.2016, 01.11.2016
г. Коломна Московской обл.

---

* В 2016 году стартовал новый проект – интернет-телевидение «Серебро Слов» на портале www.youtube.ru.

Содержание

<i>А. Русских.</i> Искусство рассказывать	4
Такая любовь	7
Шрамы украшают мужчин	15
Юрка + Лена	20
Фермерши	25
Медицина – это сила	28
Автограф.	31
Как в Коломне родились два эссе	33
<i>Г. Самусенко.</i> Размышление о портрете	35
<i>С. Калабухин.</i> Портрет Лажечникова	39
<i>В. Когтев.</i> Верблюд оказался «умным», а Чехов – оригинальным	45
Немного о себе	48

Денис Викторович Минаев

АВТОГРАФ

Проза

Главный редактор:

С.С. Антипов

Редактор:

Т.А. Новак

Дизайн обложки:

Д.В. Минаев

Корректор:

А.Е. Русских

Компьютерная вёрстка:

А.А. Минаева

Подписано в печать 09.01.2017

Формат 60x90/16. Бум. офс. 80 г/м². Печать цифровая.

Объём 3,875 усл. п/л. Гарнитура Newton.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в АО «Т8 Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.

Тел: 8 (495) 322 38 30

www.t8print.ru

ООО Издательство «Серебро Слов»

Телефон: 8 (926) 433-33-99

E-mail: srebro.slov@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин:

<http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

www.troyakniga.ru

ISBN 978-5-906800-99-2

9 785906 800992